

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ**

ТЕРМИЗ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ

**Кўлёзма ҳуқуқида
УДК 803.0.73**

Саманова Шахноза

Грамматические категории в английском и узбекском языках

5А 111401 – Хорижий тиллар ва адабиёти (инглиз тили)

**Магистр
академик даражасини олиш учун ёзилган
ДИССЕРТАЦИЯ**

**ИЛМИЙ РАЎБАР:
к.ф.н. Панжиева Н.Н.**

ТЕРМИЗ - 2015

Оглавление

Введение	
Глава 1. Язык как система	
1.1. Язык.....	
.....	
1.2. Система. Виды систем.....	
1.3. Система языка.....	
1.3.1. Парадигма и парадигматические отношения.....	
1.3.2. Синтагматические отношения.....	
1.3.3. Иерархические отношения.....	
Выводы.....	
Глава 2. Грамматическая категория	
.....	
2.1. Понятие о грамматической категории.....	
2.2. Типы оппозиций в структуре грамматической категории.....	
2.3. Типы морфологических категорий в языках.....	
2.3.1. Категория класса, рода, числа и падежа.....	
2.3.2. Категория вида, времени, залога и наклонения.....	
Выводы.....	
Глава 3. Субстантивные и предикативные категории в английском и узбекском языках	
3.1. Субстантивные категории рода, числа и падежа имён существительных.....	
3.2. Предикативные категории времени, наклонения и залога глагола.....	
Выводы.....	

Заключение.....
Список использованной литературы.....

ВВЕДЕНИЕ

Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов отмечал, что «Национальная модель подготовки кадров включает в себя в качестве существенно значимого элемента науку как сферу, в которой формируются новые фундаментальные и прикладные знания, осуществляется подготовка научных и педагогических кадров высшей квалификации....» Вместе с тем, постановление Президента И.А. Каримова о мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков от 10 декабря 2012 года способствует последовательному развитию системы образования нашей страны, поднятию работы по воспитанию всесторонне развитого поколения на качественно новый уровень. Современные требования к подготовке кадров ориентируются на всестороннее развитие личности, важным компонентом которой является языковая культура, грамотное владение родным и неродным языками, в частности английским языком. Одним из основных принципов языковой культуры является выработка прочных навыков и умений использования единиц языка через призму их системных отношений.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению грамматических категорий английского и узбекского языков в сопоставительном аспекте .

Изучению грамматических категорий посвящено значительное количество работ (Т.В. Булыгина, В.В. Виноградов, Б.Н. Головин, М.М. Гухман, Ж. Вандриес, Б.А. Ильиш, Г.А. Меновщиков, А.И. Моисеев, Г.Д. Панфилов, А.С. Телескин, Г.С. Щур, В.В. Решетов, Дж. Буранов, М. Расулова, А. Ирискулов и др.) в которых рассмотрены вопросы грамматической категории на материале разносистемных языков.

В современной грамматике продолжается интенсивное исследование категорий: в поставленной проблеме авторы изучают грамматические категории с точки зрения их значений, образований и в плане сопоставления. Тем не менее, научно-исследовательские работы, посвященные исследованию грамматических категорий английского и узбекского языков, характеризуются недостаточной разработанностью.

Всё изложенное определяет **актуальность** темы диссертационного исследования.

Объект исследования - грамматические категории.

Предмет исследования - морфологические категории в английском и узбекском языках.

Цель исследования заключается в изучении морфологических категорий в сопоставляемых языках.

Для достижения этой цели ставятся и решаются следующие исследовательские **задачи**:

1. Охарактеризовать язык как систему, парадигматические, синтагматические и иерархические отношения языковых единиц. Это продиктовано тем, что соотношение противоположаемых значений, выраженных в парадигме форм, определяет сущность грамматической категории.
2. Изучить теоретические вопросы грамматической категории, типы оппозиций в структуре грамматической категории.
3. Описать грамматические (морфологические) категории класса, рода, числа, падежа, вида, времени, залога и наклонения в некоторых языках.
4. Исследовать субстантивные и предикативные грамматические категории в английском и узбекском языках.
5. Сопоставить исследованные грамматические категории рода, числа, падежа, вида, времени, залога и наклонения в английском и узбекском языках и определить их сходства и различие.

Методологическая база диссертационного исследования - фундаментальные исследования в области общего, русского, английского и узбекского языкознания, а также постановления РУз, указы Президента РУз о развитии языков, образования и науки.

Новизна работы.

1. Изучена и проанализирована необходимая научная литература по вопросам системы вообще и системы языка,

отношений языковых единиц (парадигматических, синтагматических и иерархических).

2. Констатируется, что грамматическая категория существует как класс значений. Соотношение грамматической категории и грамматического значения - это отношение общего к частному.

3. Сделаны обобщения, что грамматические системы языков мира могут различаться: а) составом грамматических категорий и их количеством (например, категория вида присуща в основном славянским языкам); б) количеством противопоставленных членов в рамках одной и той же категории; в) принадлежностью грамматических категорий к одной части; г) устройством грамматических категорий.

4. Исследованы субстантивные (род, число и падеж) и предикативные (время, залог, наклонение) категории в английском и узбекском языках и на основе сопоставительного анализа определены их сходство и различие.

5.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие **методы исследования**.

1. Сопоставительный метод - исследование, описание и сравнение грамматических категорий.

2. Методы внутренней интерпретации - приемы классификации и систематики; они направлены на выделение различных категорий, свойственных тем или иным единицам языка.

3. Оппозиционный метод (прием) - изучение грамматических категорий путем объединения грамматических значений.

4. Метод сопоставительной интерпретации - грамматические категории сравниваемых языков изучаются в каждом языке отдельно с использованием приемов и методики описательного метода, а полученные результаты сопоставляются.

Материал исследования - толковый словарь узбекского языка в двух томах (Москва, 1981).

Научная значимость исследования связана с выявлением субстантивных и предикативных грамматических категорий, их сходств и различий в английском и узбекском языках.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в процессе ведения научных исследований по морфологии английского и узбекского языков.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов диссертации в вузе при чтении общих и специальных курсов ("Морфология", "Общее языкознание" и других). При написании курсовых и выпускных квалификационных работ, а также учебников и учебных пособий по морфологии.

Достоверность полученных результатов обеспечивается не только совокупным применением сопоставительного, метода внутренней интерпретации, оппозиционного, а также метода сопоставительной интерпретации, но и их взаимообусловленной дополняемостью. Достоверность результатов исследования обеспечивают также научная база, методология и методика исследования.

Апробация работы. Результаты, выводы и рекомендации, содержащиеся в научном исследовании, обсуждались на заседаниях кафедры и в выступлении на научно-теоретической конференции университета (2014-2015 гг.). Диссертация была обсуждена на кафедре английской филологии и узбекского языкознания.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

И.А. Каримов "Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана"(Речь Президента Ислама Каримова на 9-й сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 29 августа 1997 г. - Ташкент, - с. 12.).

Глава I. Язык как система

I. 1. Язык.

История науки о языке свидетельствует о том, что вопрос о сущности языка является одним из сложнейших в языкознании. Не случайно он имеет несколько взаимоисключающих решений: а) язык есть явление биологическое, природное, не зависящее от человека ("Языки, это образованные в звуковой материи природные организмы..., проявляют свои свойства природного организма не только в том, что их рост происходит по определенным законам. Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов - растений и животных") [Schleicher, 1969, с. 37.]; б) язык есть явление психологическое, возникающее вследствие действия индивидуального духа - человеческого или божественного. (Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли)[Гумбольдт, 1984, с.68-69.]; в) язык есть явление социальное, возникающее и развивающееся только в коллективе ("Язык есть социальный элемент речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять") [Соссюр, 1977, с.110.].

Нетрудно заметить, что в этих разных определениях (а число можно увеличить). Язык понимается то как явление биологическое (или природное), то как явление психическое, то как явление социальное (общественное). И это разное понимание сущности языка рождало и разные подходы к его определению.

Определение языка имеет существенное значение для построения теории языка. В нем фиксируется то или иное онтологическое представление о языке, которое во многом определяет понимание объекта или предмета науки и методы изучения этого объекта.

Язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или стороны языка выделяются. Определения возможны: а) с точки зрения функции языка (или функций языка): язык есть средство общения людей и, как такое, есть средство формирования, выражения и сообщения мысли; б) с точки зрения устройства (механизма) языка: язык есть набор некоторых единиц и правил использования этих единиц, т.е. комбинирования единиц эти единицы "делаются" говорящими в данный момент; в) с точки зрения существования языка: язык есть результат социального, коллективного

навыка “делания” единиц из звуковой материи путем сопряжения некоторых звуков с некоторым смыслом; г) с семиотической точки зрения : язык есть система знаков, т.е. материальных предметов (звуков), наделенных свойством обозначать что-то , существующее вне их самих; д) с точки зрения теории информации: язык есть код, с помощью которого кодируется семантическая информация (см. об. этом Вендина, 2002,23).

Существуют и другие определения. Приведенные выше определения с точки зрения развиваемого в данной работе понимания языка взаимно дополняют друг друга и частично перекрещиваются и дублируют друг друга. Поскольку в едином определении вряд ли возможно дать достаточно полную характеристику языка, мы считаем целесообразным опираться на максимально общее определение, конкретизируя его по мере надобности теми или иными специальными характеристиками.

В разных определениях можно обнаружить констатацию системного характера языка.

Идея системности языка в неявном виде содержится уже во многих теоретических работах дососсюринской лингвистики. Ф. де Соссюр теоретически обосновал системный характер языка через введенное им понятие соотносительной значимости, или ценности (*valeur*) , единиц языка (Слюсарева,1975,46) , а также через понятия синтагматический и парадигматических (у Соссюра : ассоциативных) отношений между единицами языка. Язык признается , например , системным образованием и теми, кто отрицает знаковый характер языка. Системность является важнейшей характеристикой языка. Можно считать установленным, что язык относится к системным образованиям.

Выражение система языка иногда приравнивается к выражению структура языка, и соответственно понятие системы приравнивается к понятию структуры. Многие лингвисты стремятся разграничить понятия системы и структуры применительно к языку . Иногда определение системы языка у одного автора оказывается сходным или совпадает с определением структуры языка у другого автора; что покрывается понятием структуры в одном случае , оказывается распределенным понятием структуры в одном случае, оказывается распределенным между понятиями структуры и системы в другом случае, и.т.п

Ср., например, следующие определения – А.А. Реформатский: “Система- это единство однородных взаимообусловленных элементов”; “ Под структурой следует понимать единство разнородных элементов в пределах целого” (Реформатский , 204,8); Г.С . Щур: “ Совокупность элементов (единиц) дана между элементами данной структуры, называется системной” (Щур, 1964,16); Ю.С.Степанов: “Под структурной вообще и в современном языкознании в частности понимается такое сочетание элементов, в котором каждый элемент обусловлен всеми другими”(Степанов, 1996,8). Расхождения в понимании терминов “система” и “структура” побуждают еще раз обратиться к рассмотрению этих понятий в общем виде интерпретации их применительно к языку.

I.2. Система. Виды систем

Специалисты по общей теории систем отмечают, что “одной из характерных особенностей развития науки и техники во второй половине XX в. является повсеместное распространение идей системных исследований, системного подхода, общей теории систем” (Садовский, 1974, 5). Главное в системном подходе – это рассмотрение исследуемого объекта как некоторой целостности или системы, если, разумеется, объект обладает соответствующими свойствами, и анализ составных частей и различных свойств объекта именно под углом зрения целого. “Системный подход... основной акцент делает на анализе целостных интегративных свойств объекта, выявлении его различных связей и структуры” (Садовский 1974, 5).

Становление системного подхода в разных науках привело к разработке так называемой общей теории систем как междисциплинарной отрасли научного знания (Блауберг, 1970, 161).

Центральным понятием общей теории систем является понятие системы. Исключительно широкий круг и разнообразие объектов, для характеристики которых используется понятие системы, ведет к тому, что термин “система” используется для обозначения весьма разных по свойствам объектов. Это порождает пессимистический взгляд на возможность выработки “единого всеобщего определения” понятия “система”, пригодного для характеристики объектов, сильно отличающихся друг от друга (Садовский, 1974, 80). В то же время очевидно, что системный подход, как и сама общая теория систем невозможны без общего понятия системы, приложимого к самым различным объектам. В общем понятии системы фиксируются максимально общие свойства любой системы, отличающие “систему” от “не-системы”. Такое общее понятие используется в разных науках и поэтому является общенаучным. Это общенаучное понятие системы при всем разнообразии или оттенках его истолкования всегда включает в себя представление о некотором объединении каких-либо объектов и об отношениях между этими объектами. Объекты объединяющиеся в систему, обычно называют элементами этой системы (Овчинникова, 1967, 16-20).

Такое понимание системы, достаточно широко распространенное в научной литературе, приложимо к любому объединению есть нечто целостное, отличное от составных частей. Таким образом, системе есть целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях.

В лингвистической литературе понимания системы, наиболее близкого общенаучному, придерживается Г.П. Мельников: “Под системной следует понимать любое сложное единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей-элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), т.е. структуру. Следовательно, структура – это хотя и важнейшая, но лишь одно из характеристик системы. Второй, не менее важной характеристикой системы является ее субстанция” (Мельников, 1967, 98).

Цельность- важнейшее свойство системы. Всякая система, поскольку в ней выделяются элементы, дискретна. Дискретность-другое важное свойство всякой системы.

Здесь,однако, нужно сделать некоторые оговорки. Согласно распространенному словоупотреблению, слово объект используется и для обозначения случайных, хаотических, неупорядоченных скоплений каких-либо вещей или предметов, например кучи детских игрушек и свалки. Такого рода скопления предметов, которые (предметы) сами по себе могут быть упорядоченными объектами, не характеризуется системными отношениями или связями. Соответственно те вещи или предметы, из которых состоит такое скопление, не являются элементами, а само скопление не есть система.

Системой следует,очевидно, называть внутренне упорядоченные объекты, в которых обнаруживаются взаимосвязанные части, или элементы.

Переход от неупорядоченных объектов к упорядоченным, т.е. от “не-систем” к системам, постепенен. Так, куча камней еще не система, поскольку она “лишена каких-либо существенных черт внутренней организации.Связь между ее составляющими носит внешний,случайный, искусственный характер” (Блауберг , 1970,37). Однако кучи камней это уже не просто разбросанные в беспорядке камни. Если из кучи убрать лежащие внизу камни то куча рассыплется. Здесь, следовательно, наблюдать начало взаимосвязи и взаимодействия составляющих и тем самым начало системности. Объект становится внутренне упорядоченным, т.е., системой, в результате такого усложнения взаимосвязей между составляющими, которое ведет к появлению внутренней организации. Совершенно очевидно, что установление системного характера объекта предполагает выявление составе целого связи между дискретными частями этого целого. Важность понятие связей (взаимосвязей) для выявления целостности требует более близкого рассмотрения этого понятия. Следует сразу же отменить, что термин связь настоящий работе употребляется в том же назначении что и термин отношение. О связи (отношении) между двумя (или более) объектами (элементами) в составе целого, очевидно,можно говорить как приотсутствии прямого или косвенного физического взаимодействия между ними, так и приналичии такового.

В первом случае связь между элементами непосредственно воздействуют друг на друга, и связь реализуется в виде актуального физического взаимодействия. Такого,например, связи через гравитационные поля в планетарных системах, между частями сооружений и т.д. При этом виде связи возможно наличие, как пишет Г.П.Мельников “ субстанции связи ” в виде гвоздей, немента, клея и т.п. (Мельников,1967,6-8). (То, что Г.П.Мельников называет субстанцией связи, по сути дела, есть некоторая материальная среда, в которой или посредством которой осуществляется взаимодействие элементов.)

Естественно, в первом случае ни о какой “ субстанции связи” говорить невозможно. Но и в первом, и во втором случае имеется взаимная

зависимость элементов, определяемая их соотносительной значимостью в составе целого. Эта соотносительная значимость и есть наиболее общее и обязательное свойство всякой внутрисистемной связи. Как мы увидим ниже, в языковой системе между элементами выступают в виде соотносительной значимости элементов и не характеризуются никакой “субстанцией связи”. (Впрочем, при взаимодействии звуков в речевой цепи имеет место уже не только “соотносительная значимость”, но и прямое физическое взаимодействие, ведущее к видоизменениями соседствующих звуков. Может быть, в этом случае и можно говорить о чем-то вроде “субстанции связи”, в качестве которой выступает воздушная среда.)

Итак, в наиболее общей форме целое, или система, есть некоторый упорядоченный объект, дискретные части которого взаимосвязаны и характеризуются соотносительной значимостью, т.е. находятся в определенных отношениях.

Лингвистический структурализм использует иное понимание целого, или целостности. Целое рассматривается не как совокупность связанных элементов, а только как сетка отношений. Известный шведский лингвист Б. Малмберг в качестве эпиграфа к своей книге «Структурная лингвистика и человеческая коммуникация» взял ставшие крылатыми слова Л. Ельмслева: «... a totality does not consist of things but of relationships» (Малмберг, 1963). Сам Л. Ельмслев утверждает: «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношения является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» (Ельмслев, 1960, 283). Это свое утверждение Л. Ельмслев с тезисом Соссюра о том, что язык есть форма, а не субстанция.

Однако освободиться от понятия объектов, отличных от «терминов отношений», лингвистика не может. Взяв в качестве эпиграфа приведенные выше слова утверждение Л. Ельмслева Б. Малмберг тем не менее, определяя понятие структуры, использует понятие «элемент» (т.е. некоторые объект), находящиеся во взаимных отношениях. (Трагер, 1963, 19).

Утверждение о том, что в целое (для Б. Малмберга целое соответствует понятию структуры) входят некоторые элементы, находящиеся во взаимных отношениях, отнюдь не равно пониманию элементов как чего-то равноценного терминам отношений. То, что находится в отношениях, с неизбежностью отлично от самих отношений и, следовательно, не может быть опрос-делено только в терминах отношений, хотя для понятия элемента системы (для меня целое есть система) указание на его внутрисистемные связи необходимо. Ниже мы увидим, что элементы обладают как системообразующими, так и системопроб-ретенными свойствами и в силу этого относительно не зависят от системы.

С точки зрения природы элементов, составляющих систему, можно выделить два основных вида систем: материальные системы и идеальные системы.

Материальные системы — это системы, состоящие из материальных элементов, находящихся в определенных взаимоотношениях. Материальные системы бесконечно разнообразны по своим свойствам особенностям, поскольку бесконечно разнообразны элементы, из которых состоят эти системы, и те связи и отношения, которые имеются между элементами. Так, материальной системой можно считать обычный камень, в котором имеются элементы (молекулы) и связи между ними (молекулярные связи). Материальной системой можно считать сооружение из любого материала — оно состоит из взаимосвязанных и взаимозависимых частей; материальной системой можно считать любой живой организм, то или иное упорядоченное объединение людей, например войсковое подразделение и т. д. Всякий разложимый на составные элементы упорядоченный материальный объект может быть определен как материальная система. (Тюхтин, 1968, 48-49).

Материальные системы бывают относительно простыми и относительно сложными. Сложность и простота систем — понятия не абсолютные.

Более *простые системы* состоят из относительно однородных непосредственно взаимодействующих элементов. В более сложных системах элементы группируются в подсистемы, которые вступают во взаимоотношения как некоторые целостности, образуя, и свою очередь, более сложное целое. Так, например, система рулевого управления автомобиля взаимодействует с другими агрегатами автомобиля как нечто целое, а составляющие эту систему элементы (детали) взаимодействуют с другими деталями автомобиля и системой автомобиля в целом лишь опосредствованно.

В *сложных системах* возможны самые разнообразные объединения к группировки элементов, обнаруживаются прямые, косвенные, сильные, слабые взаимосвязи и взаимодействия между элементами. Наконец, некоторые части (элементы) сложных систем могут оказаться вообще вне взаимодействия и взаимозависимости и связываются между собой лишь в силу принадлежности к общему целому.

Совокупность материальных элементов, из которых состоит система, составляет *материальную субстанцию* данной системы. (Иначе говоря, субстанция материальной системы представлена элементами. Поэтому, говоря об элементах материальной системы, можно в определенном смысле иметь в виду ее субстанцию, а говоря о субстанции, иметь в виду ее элементы, хотя, как будет показано ниже, понятия субстанции и элемента не тождественны.

В материальных системах элементы (которые иначе можно определить как элементарные объекты), составляющие эти системы, могут быть значимы для системы благодаря своим физическим, субстанциональным

свойствам. Элементарные объекты в составе этих систем представляют самих себя.

Материальные системы, элементы которых значимы для системы сами по себе (или представляют в системе самих себя), называются *первичными материальными системами*.

Они возникают либо независимо от деятельности людей, либо благодаря деятельности людей и существуют независимо от индивидуального или общественного сознания людей

Первичные материальные системы делятся на ряд видов. Одно из делений — на системы искусственные и естественные (созданные людьми и не созданные людьми); другое деление (на данном этапе развития науки это касается, по-видимому, только естественных систем) — на органические (самоорганизующиеся и саморазвивающиеся) и неорганические.

В отличие от материальных систем *идеальные системы* — это такие системы, элементы (элементарные объекты) которых суть идеальные объекты — понятия или идеи, связанные определенными взаимоотношениями. Идеальной системой, например, является система идей того или иного произведения, система понятий той или иной науки и т. д. Применительно к идеальным системам можно говорить лишь об элементах (идеальных объектах), но не о собственной субстанции этих систем, поскольку идеальное, согласно материалистическому взгляду на мир, есть лишь “характеристика человеческого сознания, основанная на гносеологическом противопоставлении его материальному его материи” (Философский словарь, 1968, 25). Идеальное в отличие от материального не имеет независимого существования, являясь формой отражения внешнего мира. В отличие от материальных систем идеальные системы всегда возникают только благодаря деятельности людей, говоря точнее, благодаря мыслительной деятельности людей.

Идеальные системы, таким образом, не существуют вне какой-либо материальной субстанции. Идеальные системы порождаются материальной субстанцией — мыслящим мозгом - и «закрепляются» в материальной субстанции (в любой материи). Материальная субстанция, порождающая идеальные системы! представляет собой сложнейшую первичную материальную систему — мозг человека.

Идеальная система (система понятий или идей) представляет собой систему одного из видов информации, (Полушкин, 1967, 272) , по терминологии В. А. Полушкина— семантической информации, и, как таковая, закрепляется в какой-либо другой материальной субстанции, становящейся ее «носителем». Происходит своего рода «отделение» идеальной системы (системы семантической информации) от породившей ее первичной материальной системы. (Солнцев, 1977, 5-6). Для такого «отделения» требуется другая материальная система, которая благодаря деятельности людей наделяется функцией «хранения» идеальной системы. Материальные элементы этой материальной системы

наделяются людьми не свойственной им по их собственной природе функцией «хранения» и выражения той или иной идеи или понятия. Иначе говоря, в этом случае материальные элементы (элементарные объекты) системы представляют не самих себя, а что-то существующее помимо них. Элементы сигнализируют не о самих себе, а о чем-то другом. В рамках такого рода материальных систем элементы системы значимы не столько в силу своих физических субстанциональных свойств, сколько в силу приписанных им свойств быть указателем на что-либо, сигнализировать о чем-либо, находящемся вне их самих.

Приведенная выше краткая характеристика идеальных систем подводит к определению особого рода материальных систем, являющихся «носителями» или «хранителями» идеальных систем.

Материальные системы, в которых материальные элементы значимы для системы не столько в силу своих субстанциональных свойств, сколько в силу приписанных им свойств, называются *вторичными, материальными системами*. Они возникают только благодаря деятельности людей как средство закрепления и выражения семантической информации (систем идей или понятий) и тем самым как средство передачи этих идей от человека к человеку, т. е. как средство общения людей.

Вторичные материальные системы были определены как семиотические, или знаковые, системы.

Общность их с первичными материальными системами состоит в том, что и те и другие характеризуются наличием материальных элементарных объектов, и те и другие обладают материальной субстанцией.

Различие первичных и вторичных материальных систем обусловлено разнóй ролью материальной субстанции и соответственно материальных элементов в этих системах. Как уже говорилось, в первичных материальных системах элементы систем значимы сами по себе. Это значит, что их субстанциональные свойства являются' организующим началом данной системы. Например, данная жидкость есть вода, поскольку она состоит из молекул воды, а не молекул ртути или молекул керосина. Автоколонна есть автоколонна, поскольку она составлена из автомашин, а не из танков или тракторов. Забегая вперед, можно сказать, что субстанциональные свойства элементов первичных материальных систем относятся к числу системообразующих свойств элементов.

Во вторичных материальных системах, назначение которых — закрепление и выражение систем понятий или идей (идеальных систем, или систем семантической информации), материальные элементы используются как носители некоторых приписанных им свойств и качеств, не свойственных им по их субстанциональной природе. Красный цвет сам по себе не выражает запрета или разрешения. Ему приписано свойство в системе сигналов регулирования уличного движения выражать идею запрета. Фигурка из дерева или из пластмассы в форме конской головы сама по себе не обладает никакими другими свойствами, кроме отдаленного сходства с головой коня и собственными свойствами дерева

или пластмассы. В системе шахматной игры эта фигурка наделена свойством быть перемещаемой по квадратам шахматного поля буквой «Г». Это свойство ни малейшей связи с субстанциональной природой фигурки не имеет. Ни материализуются линейным расположением фонем, составляющих их звуковые оболочки. Только фонемы можно рассматривать как точечные элементы, хотя звучание фонемы фактически развертывается во времени, т. е. тоже имеет линейный характер. Таким образом, *линейность* — это форма существования всех элементов языка и форма функционирования языка. В этом смысле Соссюр совершенно прав, утверждая, что на линейности покоится весь механизм языка.

Образование линейных построений происходит путем последовательного размещения элементов в линию. Если элементы не отличаются друг от друга или мало отличаются друг от друга, то образуются однообразные последовательности, мало чем отличающиеся друг от друга. Одномерность расположения элементов требует высокой степени неоднородности элементов для образования четко отличающихся друг от друга конфигураций. Поэтому принцип линейности в языке оправдан лишь постольку, поскольку элементы языка характеризуются свойством неоднородности.

Линейность расположения элементов при функционировании языка есть фактически синтагматика языка. Поэтому характеристика свойств линейности переименовывается с характеристикой синтагматики.

1.3. Система языка.

В современных лингвистических работах, как правило, принимается введенное Ф. де Соссюром деление на язык и речь. Это деление, которое принимается в принципе и в настоящей работе, нередко истолковывается как деление на форму и субстанцию. (Евдошенко, 1967, 9) Ср. тезис Ф. де Соссюра: «...язык есть форма, а не субстанция» (Соссюр, 1933, 120). Речь же рассматривается как «манифестация», воплощение формы в субстанции. Деление «язык — речь» истолковывается также как противопоставление системы и текста. (Евдошенко, 1967, 9-10).

Противопоставление языка речи как системы тексту имеет широкое распространение и обычно приводится в работах как некоторое исходное бесспорное положение, не требующее анализа.

Однако отождествление языка с системой, а речи с текстом что как будто бы предполагает, что текст не есть система (это вытекает из смысла противопоставления «система — текст»), вызывает возражения в силу следующих соображений.

Речь, точнее, речевые произведения представляют собой которые образования, несущие информацию (речь передает так называемую семантическую информацию). Теория информации устанавливает, что носителем информации может быть только особым образом организованная система. Поэтому речевые произведения, несущие

информацию, должны являться системами с определенной организацией. С другой стороны, язык, понимаемый как средство, с помощью которого образуется речь, к таковой, сам по себе не несет никакой семантической информации, хотя с его помощью или посредством его может быть выражена любая семантическая информация. В этом язык является особой системой, такой системой, из которой делается, как это уже отмечалось, бесчисленное количество разнообразных, конкретных систем.

Точно так же вызывает возражение истолкование пропоставления “язык - речь” как формы субстанции. При котором понимании соотношения “язык - речь” полно дематериализуется и сводится к некоторой “чистой структуре” которая вносится в “субстанцию” – речь. Между тем язык как я стремлюсь обосновать в этой работе, вторичная материальная и субстанцией. Язык реализует свою коммуникативную функцию именно в силу своей материальности.

Ко многим видам систем, в том числе и к языку, применимо понятие функционирования. К числу функциональных систем относятся, например, живые организмы (первичные естественные органические системы), различного рода механизмы: автомобили, станки, локомотивы и т. д. (первичные неорганические «искусственные системы»), кибернетические устройства и т.д.

Функционирование таких систем заключается в возбуждении напряжении, взаимодействии элементов, в различного вида движениях элементов или систем в целом.

В процесс функционирования такие системы вовлекаются целиком, хотя интенсивность функционирования их частей не-1 одинакова. Примером могут служить жизнедеятельность живого организма, работа двигателя, перемещение локомотива

Совершенно иначе функционирует язык. Как уже отмечалось, функционирование языка заключается в образовании из его -элементов различного рода конкретных систем, выражающих, хранящих и несущих информацию. При функционировании языка и «движение» приходит отнюдь не вся система языка, а только какая-то ее часть. Так, для выражения и сообщения некоторой информации требуется и соответственно отбирается только часть правил данного языка и незначительная часть слеш, имеющихся в данном языке. Остальные правила и слова остаются вне функционирования.

После того как информация выражена и передана (сообщена), звуковые волны угасают и данная конкретная система перестает существовать, если только она не зафиксирована в графических знаках письма или не записана на магнитную пленку. «Отбор» правил и конкретных слов не ведет к обеднению язык, поскольку правила суть идеальные шаблоны или модели, в соответствии с которыми «делают» и аранжируют единицы языка, а сами единицы либо «производятся» по правилу, либо «воспроизводятся» в готовом виде бесчисленное количество во раз.

Владение языком — это навык, умение «делать», т. е. с помощью органов речи в определенном порядке производить звуки (и звуковые комплексы), соответствующие определенным смыслам. Свойство звуковой материи быстро организовываться в системы, несущие информацию, и так же быстро исчезать, подобно волнам, расходящимся на воде от брошенного камня, дает неизмеримое преимущество звуковой материи перед всякой другой.

Речь таким- образом есть множество конкретных систем, построенных по определенным правилам из определенных элементов. Речь — это язык в действии, в работе. Говоря о функционировании языка, мы, по сути дела, говорим о речи или речевых произведениях. Множество предложений, выражающих информацию, или, как говорят в школьных грамматиках, «относительно законченные мысли», в свою очередь, за счет своего содержания образуют систему. Это есть система идей, взглядов, концепций и т. п. Иначе, это некоторая идеальная система, выраженная в речи с помощью (или посредством) языка. Совокупность речевых произведений—конкретных систем (предложений) — не образует общей системы — язык, но образует какую-то концептуальную систему. Язык как система не есть сумма речевых произведений, но нечто иное.

Язык — это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами. Язык есть система, но это система иного рода и иного порядка, чем те системы, которые в речи делаются из элементов языка. Система языка — это своего рода «кладовая», где сложены (не в прямом смысле, конечно), правила и элементы (или единицы).

Правила языка — это совокупность потенциальных отношений между элементами (единицами) языка, которые можно обнаружить в речевой цепи. Иначе говоря, правила языка — это совокупность всех тех возможных взаимосвязей и зависимостей, которые служат программой построения реальных речевых произведений и в которые могут вступить элементы языка при образовании речевых произведений. В конечном счете правила являются *п р о я в л е н и е м с в о и с т в э л с : м с и т о в я л ы к а*, поскольку эти свойства лежат в основе возможных связей и зависимостей между элементами. Иными словами, правила языка сводятся к свойствам его элементов.

В соответствии с принятыми в нашей работе определениями правила языка как совокупность потенциальных отношений между элементами языка входят в структуру языка (структура — совокупность отношений

между элементами). Однако правила языка не исчерпывают всех отношений, которые существуют между элементами: правила языка, о которых шла речь,— это линейные, синтагматические отношения. Однако, как мы знаем, элементы языка образуют некоторые классы сходных элементов, отношения между ними парадигматическими.

Отношения элементов, или единиц, внутри классов не подходят под понятие правил в приведенном выше смысле, однако эти отношения (внутриклассные, или парадигматические) также входят в общую совокупность отношений между элементами и тем самым — в структуру языка.

Можно расширить понятие правила в языке и включить в него и внутриклассные отношения. (Отражением в описании языка этого объективного правила как объективного отношения окажется правило вывода классов, например классов слов „морфем, фемем и т. д.)

I.3.1. Парадигма и парадигматические отношения

В книге М.В. Панова “ Русская фонетика ” указываются два толкования слова *парадигма*: «*Парадигма*, следовательно, это ряд языковых единиц, различие между которыми определяется позицией» и «Иногда термин *парадигма*, употребляются в ином значении: парадигмой называют языковые единицы, встречающиеся в одной позиции (т. е. употребляют в значении, прямо противоположном тому, какое указано *выше*)» (Панов, 1967, 6).

Первое определение разъясняется так: «...ряд позиционно чередующихся звуков составляют парадигму». Поскольку звуки o^1 — a^2 — a^3 в русском языке невозможны в одной позиции, они, по М. В. Панову, объединяются в парадигматический ряд. Здесь берутся в рассмотрение разные позиции, создаваемые за счет разного фонетического окружения в одной и той же морфеме (*посадка, сяду* и т. п.). Функционально это одна и та же позиция.

Во втором случае для иллюстрации привлекаются разные слова (морфемы) *дам* — *дом* — *дум* — *дым*, в которых парадигма образуется за счет фонем a — o — y — $ы$. В этом случае речь идет о фонетически тождественных, но функционально разных позициях. М. В. Панов

отмечает, что во втором случае «термин *парадигма* используется нерационально, “бесхозяйственно” : он служит для демонстрации законов сочетаемости, которые уже обслуживаются термином *синтагма*».(Панов, 1967,6).

С нашей точки зрения, во втором случае демонстрируются не только и не столько законы сочетаемости, сколько объединение элементов в более широкий класс, или более широкую парадигму.

Соответственно с помощью этих разных позиций можно построить разные парадигмы. Но и в том и в "другом случае образуются некоторые классы, т. е. *парадигмы*. И в том и в другом случае правомерен термин *парадигма*, как обозначающий класс элементов.

Например, *i-a-u-э* образуют парадигму гласных звуков английского языка. Это весьма широкая парадигма, членами которой являются все звуки, встречающиеся в позиции между согласными в разных словах. Поскольку данная позиция рассматривается в отвлечении от какого-либо определенного смысла (разные гласные в этой позиции служат - для различения самых различных значений), можно утверждать, что в этой позиции гласные звуки независимы друг от друга, т. е. свободно чередуются. Такое чередование есть чередование разных фонем, и оно принципиально отличается от чередований звуков в одной и той же морфеме, где чередующиеся звуки объединены тем, что они участвуют в выражении (различении) одного и того же смысла, и где, следовательно, они связаны общей функцией по отношению к данному смыслу. Они чередуются вследствие изменения окружающих звуков. Звуки *i-a-u-э* чередуются вследствие изменения смысла слов независимо от фонетического окружения. В словах русского языка *посадка, сяду* и т. п. чередование происходит в рамках одной и той же морфемы, а чередующиеся звуки не выходят за пределы одной и той же фонемы. Различные фонетические условия требуют, чтобы в интерконсонантной позиции в одной и той же морфеме выступали то звук a^l , то $a\backslash$. Все это варианты фонемы *a*, которая есть класс, или парадигма, чередующихся в этой позиции звуков. В этой позиции невозможно неограниченно и свободно, заменять один гласный звук другим, не разрушив данную морфему. Фонема в данной позиции незаменима на другие фонемы, но может быть представлена своими чередующимися вариантами.

Таким образом, парадигматический ряд a (и т. п.) сам состоит из парадигм, поскольку a есть класс, или парадигма, ряда вариантов $a = a \setminus a^2, a^3, a^4 \dots$; o есть класс, или парадигма, ряда вариантов $o = o \setminus o^2, o^3 \dots$; $yl = yl \setminus yl^2, yl \dots$

и т. д.

Образуется своего рода иерархия парадигм в русском языке, которую мож-

но изобразить в виде схемы:

Парадигма большая	$a \ o$	a^1 a^2 a^3	парадигма малая
	o	o^1 o^2 o^3	парадигма малая
	$y \ u$	y^1 y^2 y^3	парадигма малая

Приведем примеры акустической абберации в произношении гласных и, у узбекского языка (Решетов, 1959, 125-133).

Парадигма большое	И	Ъ – между переднеязычными согласными, в начале слова и т.д.: сиз(съз), тил(тъл), ис(ъс). Ь – в соседстве с к, г, х: киз (къз), киш (къш), гишт (гышт), мих(мьх).	Парадигма малая
	У	У- в соседстве с к, г: гул (гул), кул (кул). У – в соседстве с к, г, х: кум, хуш.	Парадигма малая

Соответственно мы имеем большую парадигму, которая состоит из малых парадигм. "Большую парадигму, которая состоит из гласных фонем,

можно обозначить символом V (гласные). Позиция членов этой парадигмы есть позиция, определяемая относительно согласных (C) в разных морфемах (словах) и, следовательно, безотносительно к выражению конкретного смысла. Например, *CVС* (интерконсонантная позиция) в словах в русском языке.

Малые парадигмы суть отдельные фонемы и обозначаются соответствующими символами *a, o, y* и т. д. Позиции членов этих парадигм суть позиции в составе вариантов (алломорфов) одной и той же морфемы: *посадка* — *сяду*; *кул - хум* ; *тил-киз* и т.д.

Рассмотрим парадигмы и парадигматические отношения на словесном уровне.

Если мы, возьмем ряд предложений:

1	2	3
<i>Я читаю книгу;</i>		
I am reading a book		
Мен китоб укияпман		

1	2	3
<i>Ты покупаешь брошюру;</i>		
<i>You are buying a booklet</i>		
<i>Сен брошурани сотиболяпсан</i>		

1	2	3
<i>Он листает газету;</i>		
<i>He is looking through a newspaper</i>		
<i>У газетани вараляпти</i>		

то позиции всех слов, помеченных,¹ одинаковыми номерами во всех предложениях, являются тождественными. В частности, тождественными являются позиции слов: *книгу, брошюру, газету*. Данная позиция (позиция прямого дополнения) дает возможность выделить класс имен, взятых в форме винительного падежа. Если расширить содержание этой позиции и толковать ее как вообще позицию имени после глагола, то в этой позиции могут встретиться имена и в форме других падежей. Например: *Я люблюсь книгой; Я мечтаю о книге* и т. п., и т. д.

В зависимости от содержания характеристик данной ПОЗИЦИЙ мы можем выделить большую парадигму, например общую парадигму имен, и малую парадигму, например парадигму форм одного и того же слова.

Разные формы одного и того же слова в русском языке могут быть «претендентами» на одно и то же место в речевой цепи при условии наличия разных окружений, т. е. при сочетании с глаголами разных подклассов и форм. Ср.: *Я читаю книгу; Я увлекаюсь книгой; Я думаю о книге; Я не вижу книги* и т.д.

Так же как для фонем, можно показать на схеме соотношение большой и малой парадигм имен в русском языке.

В русском языке формы одного и того же слова встречаются во взаимоисключающих окружениях (с точки зрения формы и классных свойств соседних слов) и поэтому находятся в отношении дополнительной дистрибуции, так же как так называемые обязательные варианты одной фонемы или разные варианты одной морфемы.

Парадигма большая	Книга	Книгой Книгу Книги и т.п.	Парадигма малая
	Брошюра	Брошурой Брошуру Брошюры и т.п.	Парадигма малая
	Газета	Газетой Газету Газеты и т.п.	Парадигма малая

В узбекском языке:

Китоб	Китобни Китобга Китобдан	Парадигма малая
Брошюра	Брошюрани Брошюрага Брошюрадан	Парадигма малая

Газета	Газетани Газетага газетадан	Парадигма малая
Китоб	Китобни Китобга Китобдан	Парадигма малая
Брошюра	Брошюрани Брошюрага Брошюрадан	Парадигма малая
Газета	Газетани Газетага газетадан	Парадигма малая

В английском языке:

Во всяком языке элементы представлены рядом вариантов, составляющих некоторый класс, или парадигму. В силу линейного характера языка о в конкретном употреблении выступает всегда один какой-либо вариант как представитель класса. Элемент или единица языка, рассмотренный как класс, представляет собой абстрактную единицу, например слово вообще, фонема вообще, морфема вообще. Переход от слово вообще к конкретной словоформе или, говоря шире, от единицы вообще к конкретной единице называется актуализацией виртуальной единицы. Явление актуализации, широко разрабоанное Шарлем Балли ,1955, иногда расценивают как переход от языка к речи.

Элементы языка, таким образом, объединяются в более крупные классы, или парадигмы. Эти парадигмы обладают разным объемом, т. е. включают разное количество элементов.

Элементы языка образуют *сверхпарадигмы*, ИЛИ *максимально* широкие парадигмы, парадигмы, подпарадигмы, малые парадигмы. Малые, или низшие, парадигмы входят в высшие парадигмы в качестве элементов. Поэтому всякая высшая парадигма есть объединение парадигм более низкой ступени. Сверхпарадигмы, как мы увидим ниже, не входят более ни в какие другие парадигмы.

Объединение элементов в парадигмы зависит, как мы видели, от тех позиций, в которых они встречаются. В зависимости от характера

позиций выделяются разные парадигмы. Чем меньше ограничений имеет данная позиция, тем большее количество разных элементов может быть употреблено в ней, тем обширнее оказывается выделяемая парадигма. Чем больше ограничений наложено на данную позицию, тем меньше разнообразных элементов может встретиться в ней, тем уже окажется парадигма.

Можно сформулировать общее соотношение позиции и парадигмы: минимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает максимально широкую парадигму, и, наоборот, максимальное ограничение (окружением или другими условиями) позиции дает минимально или предельно узкую парадигму.

Элементом, входящим в большую парадигму, свойственно большее число мест, или позиций. Элементу, составляющему меньшую парадигму, свойственно употребляться в меньшем количестве мест, или позиций.

Так, большая парадигма, образуемая всеми гласными, характеризуется всеми возможными позициями гласных в данном языке. Эта позиция отвлекается от учета смысловозначительной роли того или иного гласного. Передние гласные, которые можно рассматривать также как парадигму или часть общей парадигмы гласных, могут встретиться уже в меньшем количестве позиций. Позиции, по которым выделяются малые парадигмы — фонемы, являются фонетически разными позициями в одной и той же морфеме.

В известном смысле позицию можно определить как дистрибуцию элемента (в дескриптивистском смысле). В таком случае можно сказать, что парадигма, или класс, характеризуется более широкой и менее ограниченной условиями дистрибуцией, чем любой элемент данного класса. Сверхпарадигма характеризуется суммой дистрибуций всех составляющих ее элементов.

1.3.2. Синтагматические отношения.

Этимологически слова *синтагматика* и *синтагматический* связаны с понятием *синтагма* — некоторого двучленного соположения каких-либо

элементов языка в линейной последовательности. Сейчас значение этих слов более не связано так же тесно с понятием синтагмы, как понятие парадигматических отношений с понятием парадигмы. Синтагматическими отношениями называют все виды отношений между элементами в линейной последовательности, т. е. в речевой цепи. Понятие «синтагма», породив термины «синтагматика» и «синтагматический», само не стало обязательным в анализе, как понятие «парадигма» при парадигматическом анализе.

Общая характеристика синтагматических отношений может быть дана в следующем виде.

1. Синтагматические отношения реализуют главную функцию языка — коммуникативную функцию. Благодаря реализации синтагматических отношений из элементов языка образуются речевые произведения — предложения, несущие информацию. Синтагматические отношения — это те отношения, благодаря которым язык функционирует как средство общения. Они являются, следовательно, функциональными отношениями языка. Коммуникативная функция реализуется в синтагматических отношениях и тем самым опирается на синтагматические отношения.

2. Синтагматические отношения, как это устанавливается лингвистикой, исторически предшествуют парадигматическим. Ф. де Соссюр настойчиво подчеркивал, что факт речи предшествует факту языка (Соссюр, 1960, 42). Синтагматические отношения порождают парадигматические отношения. Образование классов всех видов (парадигм) внутри парадигматических отношений происходит путем постановки на одни и те же места речевой цепи разных элементов. «Пригоняясь» к данному месту, элемент функции и по другим свойствам уподобляется тому элементу, который занимал это место раньше, и образует с ним некоторый общий класс (т. е. вступает с ним в парадигматические отношения). Элементы, заменяющие друг друга в одной и (см. ниже), считаются членами этой парадигмы. Возникновение и развитие парадигм (классов всех видов) ведут к «обогащению» синтагматических отношений в том смысле, что в рамках одних и тех же синтагматических отношений появляется возможность выразить все большее количество разных смыслов.

Например:

Покупаю газету

I am buying the newspaper

Я читаю книгу и.т.д.

I am reading a book

Беру брошюру

I am taking a booklet

В данном случае выражений “рамки одних и тех же синтагматических отношений” означает некоторую модель, или конструкцию, в которую подставляются слова, выражающие вещественно разный, но грамматически тождественный смысл.

Чем богаче парадигма, т.е. чем больше элементов включает в себя парадигма, тем более емкими становятся синтагматические отношения, поскольку в рамках одних и тех же синтагматических отношений (в рамках одной и той же модели) можно выразить столько разных смыслов, сколько членов в каждой из парадигм, используемых для заполнения мест в данной модели (в рамках данных синтагматических отношений).

3. Отношения между элементами в синтагматике так, как они даны исследователю, представляют собой конкретные отношения единичных конкретных элементов. Каждый из этих конкретных элементов является фактически представителем того класса (парадигмы), в который он входит. Следовательно, отношения в синтагматике могут быть рассмотрены не как отношения конкретных элементов (конкретных слов), а как отношения классов. При синтаксических исследованиях фактически, так и поступают. Говорят не об отношениях слов *я, читаю, брошюру*, а об отношении местоимения, глагола и существительного. Структура предложения (модель, или конструкция), лежащая в основе конкретного предложения, выводится всегда на основе рассмотрения отношений классов слов (глагол, существительное и т. д.). Понятие *член предложения* следует определять не столько как функцию конкретного слова (хотя в конкретном предложении конкретным членом предложения является именно конкретное слово), сколько как функцию класса или классов слов. Частным случаем является определение члена предложения как функции слова в предложении.

Конкретное отношение конкретных слов, с одной стороны, есть частный случай классного отношения, т. е. отношения парадигм; с другой стороны, это исходный пункт и, добавим, единственная реальная возможность рассмотрения отношений классов.

Такого рода характер синтагматических отношений имеет место не только в синтаксисе, но и на всех уровнях языка (и в фонологии, и в морфологии).

Фонемы языка представляют собой классы звуков. Элементы этих классов суть конкретные звуки (аллофоны, варианты, вариации). В линейной цепи реально представлены конкретные звуки, которые могут быть и должны быть рассмотрены как представители классов, т. е. фонем. Реальная звуковая оболочка конкретной морфемы состоит из конкретных звуков. Однако, поскольку конкретные звуки представляют некоторые классы-фонемы, допустимо и иногда необходимо говорить, что звуковая оболочка морфемы состоит из фонем и распадается на фонемы. В синтагматике, следовательно, можно и нужно говорить об отношении фонем.

Морфема есть класс некоторого количества своих конкретных вариантов — морфов. В синтагматической цепи (например, в слове *учитель-ниц-а*) реально представлены конкретные морфы. /Поскольку же они суть представители классов-морфем, мы можем говорить в синтагматике о морфемах и об отношении морфем в синтагматическом ряду.

4. Каждый элемент в речевой цепи (в синтагматике) занимает определенное место, или *позицию*. Понятие *позиция* крайне важно как для характеристики роли элемента в синтагматической цепи, так и для характеристики элемента как члена той или иной парадигмы

Определение позиции элемента и установление тождественности позиций в разных предложениях при кажущейся самоочевидности этого понятия в действительности сопряжены с большими трудностями. Объясняется это тем, что понятие позиции несводимо к порядковому номеру элемента в конкретном отрезке цепи и поэтому в речевой цепи невозможно установить фиксированную точку начала отсчета позиций.

Понятие позиции элемента неразрывно связано с понятием *элемента* и его отношений с другими элементами. *Тождественность*

позиций связывается с тождественностью функций. И наоборот, *различие* позиций обусловлено различием функций элементов.

В области фонетики (фонологии) понятие позиции элемента не сводится к его порядковому номеру. Оно обусловлено особенностями окружения элемента и его функцией.

Так, интерконсонантная позиция звука (фонемы) должна быть оценена и охарактеризована различно в зависимости от того, в каких условиях или окружении она рассматривается.

В ряду разных слов (или морфем), позиции гласного между согласными:

дом-дым-дум-дам являются тождественными с точки зрения фонетического окружения и нетождественными с точки зрения смысловозначительной функции соответствующих гласных. Последние являются разными фонемами и служат для различения слов (и морфем). Наоборот, позиции гласного между двумя согласными в разных вариантах (или разновидностях) одной и той же морфемы: *посадка, сяду* и т. п.— нетождественны с точки зрения фонетического окружения, но тождественны с функциональной точки зрения. Соответствующие гласные, занимающие эту позицию, являются вариантами одной и той же фонемы. (см.: Панов, 1967, 5-6).

Одно и то же «место» в зависимости от условий может быть одной и той же позицией или разными позициями.

Приведенные примеры тождественности и различия позиций элементов разных уровней языка указывают на невозможность сведения понятия позиции к порядковому номеру элемента в речевой цепи. Позиция элемента в речевой цепи определяется выполняемой им в данной речевой цепи функцией. Последняя же зависит:

1) от собственных (системообразующих) свойств данного элемента; например, тождественность позиций одного и того же суффикса в разных словах определяется не порядковым номером, а тем, что суффиксам свойственно выполнять одни и те же функции;

2.) от взаимодействия с окружающими элементами, иначе говоря, от роли в конкретной системе, каковой является данное речевое образование. Тем

самым выполняемая элементом функция является проявлением также и его системоприобретенных свойств.

При определении позиции, или места, элемента важнейшую роль играет свойство неоднородности. Именно отличие данного элемента от другого (других) позволяет ему установить те или иные отношения с окружающими, или соседними, элементами, что, в свою очередь, позволяет дать определенную характеристику данной позиции. Если бы все элементы были однородны, то в этом случае имелись бы «нулевые» синтагматические и «нулевые» парадигматические отношения. Чем выше неоднородность, тем более многообразными и усложненными становятся отношения этого элемента окружающими, тем богаче характеристика данной позиции.

В свете всего сказанного понятие позиции элемента в речевой цепи можно определить в соответствии с представлениями, утвердившимися в современной лингвистике, следующим образом.

Позиция, или место, элемента в речевой цепи есть его относительное расположение в данном речевом образовании. Позиция элемента характеризуется функцией элемента в данном речевом образовании и определяется только относительно позиций (и функций) других элементов.

Таким образом, понятие *позиция* есть понятие не абсолютное, а реляционное.

Если верно, что элементы объединяются в классы, или парадигмы, по их способности занимать одни и те же позиции (каждый класс одну или ряд определенных позиций) в речевой цепи, то становится ясным, что выведение всех парадигм в данном случае целиком зависит от правильного нахождения позиции.

Ошибочность определения позиции неизбежно ведет к ошибочному объединению элементов в парадигмах.

1.3.3. Иерархические отношения.

Иерархичность как всеобщее свойство элементов характеризует отношение единиц разной сложности в языке (Солнцев 1977, 62).

Поскольку относительно однородные единицы, или единицы одинаковой степени сложности объединяются в классы или парадигмы

постольку отношения между такими классами, если сравнивать эти классы по степени сложности составляющих их единиц также носят характер *иерархических отношений*.

Слова разного морфемного состава, т. е. в известном смысле обладающие различной сложностью, определяются как единицы одной степени сложности, поскольку их стелешь сложности не меняет их качеств как слов. По всем своим грамматическим свойствам слова *стол* и *стол-ик* тождественны и объединяются в один общий функциональный класс. Иначе говоря, слова в отношении друг друга характеризуются относительной неоднородностью, которой при рассмотрении свойств иерархичности можно пренебречь.

Так, если отношение между морфемой и словом с точки зрения их сложности есть иерархическое отношение, то отношение между всеми морфемами, образующими сверхпарадигму, или сверхкласс морфем, и всеми словами, образующими сверхпарадигму, или сверхкласс слов, также есть иерархическое отношение. Такое отношение между большими классами (сверхклассами) не есть отношение линейное и, следовательно, не есть отношение синтагматическое. Более того, такие классы (или их представители) вообще не могут вступить в синтагматические отношения. Морфема (как представитель сверхкласса морфем) не может вступить в линейные, или синтагматические, отношения со словом как представителем сверхкласса слов. Иными словами, морфемы не сочетаются со словами, но только между собой в составе слов.

Так, например, в производном слове *киз+ча* обнаруживается не слова *стол+аффикс-ча*, а две морфемы.

Точно так же знаменательные слова не сочетаются с предложениями, но только между собой в составе предложений (Рождественский, 1985, 102). синтагматические отношения представляют собой отношение классов, а в конкретном виде — представителей классов. Теперь следует сделать уточнение: синтагматические отношения представляют собой отношение не любых устанавливаемых в языке классов, но только классов элементов одинаковой степени сложности, т. е. таких элементов, которые не находятся между собой в иерархическом отношении.

Так, мы обнаруживаем в синтагматическом ряду отношения между разными классами слов (например, имен, глаголов, прилагательных и т. д.), разными классами морфем (например, знаменательными и служебными), разными классами фонем (например, согласными и гласными). Но мы не можем обнаружить аналогичного отношения класса морфем и класса слов и т.д.

Сверхпарадигмы, как будет показано ниже, не обнаруживают в отношении друг друга и парадигматических отношений.

С другой стороны,—именно в речевой цепи, разбирая строение любой сложной единицы, мы обнаруживаем иерархические отношения между этой единицей и составляющими ее элементами. Рассматривая любое слово, состоящее из ряда морфем, и задаваясь вопросом, каково отношение между словом и его

компонентами — морфемами, мы констатируем иерархическое отношение. По сути дела, все иерархические отношения которые существуют в языковой системе, даны нам, т. е. могут быть обнаружены в речевой цепи, если эта речевая цепь представляет собой достаточно «длинное» образование, например предложение полного состава. В этом случае неоднородность единиц разной степени сложности бывает представлена или выявлена в полной мере и нам остается констатировать, что звуковые оболочки морфем и слов состоят из фонем, слова состоят из морфем, словосочетания и предложения состоят из слов, т. е. нам остается констатировать отношение иерархичности, которое может быть определено как понятие «состоит из...». В конкретной речевой цепи иерархические отношения представлены конкретными единицами, которые являются представителями своих сверхпарадигм, или сверхклассов. Но отсюда следует, что в речевой цепи в свернутом виде нам даны иерархические отношения соответствующих больших парадигм.

Большие парадигмы, или сверхпарадигмы, представляют собой совокупности, или множества, всех обнаруживаемых в языке единиц одной степени сложности, или относительно однородных единиц. Такие совокупности, или множества, соответствуют тому, что в языкознании обычно называют уровнями, или ярусами, языковой системы.

Понятие *уровень*, или *ярус* (*level*), введенное в лингвистику дескриптивистами и воспринятое представителями разных школ, получило широкое хождение, не имея само по себе более или менее четкого определения. Понятие уровня относят и к онтологии языка, и к способу систематизации и описания языка. Что такое уровень, или ярус, в онтологическом смысле? Чаще всего понятие уровня связывают с наличием некоторого набора единиц. Поэтому признание некоторых языковых величин единицами влечет за собой выделение соответствующего уровня. Так, говорят о фонологическом уровне, поскольку выделяются такие единицы, как фонемы, и говорят о словообразовательном уровне, поскольку выделяют «единицы словообразовательного уровня» (Лопотин, 1986, 12).

Связь понятия уровня с понятием набора некоторых единиц несомненна. Вопрос заключается в определении того, на какие единицы базировать понятие уровня. Совокупность, например, производных слов в языке составляет некоторый набор единиц, отличный от набора единиц, образованного сложными словами. Набор единиц, образованный корневыми морфемами, отличен от набора единиц, образованного морфемами-аффиксами. Значит ли это, что следует выделять «уровень производных слов», «уровень сложных слов», «уровень корневых морфем», «аффиксальный уровень» и т. д.? Видимо, по этому пути идти нельзя, поскольку придется выделять в языке столько уровней, сколько группировок (самых различных) языковых величин можно выделить. Объединение языковых величин в некоторые наборы можно производить по самым различным признакам. Соответственно понятие уровня становится относительным и превращается в простое наименование некоторой совокупности единиц, выделенных по тем или иным признакам.

Понятие уровня следует связывать с таким свойством или признаком единиц, который позволит выделить достаточно стабильные уровни и установить их место относительно других уровней. Таким свойством является свойство иерархичности единиц. Именно оно определяет понятие уровня (хотя и не всегда эксплицитно и не всегда последовательно) в трудах дескриптивистов и во многих работах представителей других школ.

Уровнем языка, по-видимому, следует называть совокупность относительно однородных единиц, не находящихся в иерархических отношениях между собой и обнаруживающих иерархические отношения (либо как величины более крупные, либо как величины более мелкие) с другими единицами, также составляющими некоторую совокупность.

Совокупности таких единиц представляют собой сверхпарадигмы относительно однородных единиц (например, все фонемы данного языка, все морфемы данного языка, все слова данного языка). Единицы, составляющие сверхпарадигму, или уровень, обнаруживают парадигматические и синтагматические свойства относительно друг друга: они группируются в классы, или парадигмы (например, разные классы фонем, разные классы морфем, разные классы слов), и сочетаются между собой в линейных (синтагматических) цепях (цепочки фонем, цепочки морфем, цепочки слов).

Разумеется, речь идет о принципиальной линейной сочетаемости единиц в отвлечении от всевозможных ограничений. Так, в принципе слова образуют в силу своей сочетаемости синтагматическую цепь, но не всякий класс слов сочетается со всяким классом слов. То же самое относится к фонемам и морфемам.

Единицы разных сверхпарадигм, или разных уровней, не вступают между собой ни в парадигматические, ни в синтагматические отношения. Так, не может быть класса, составленного из фонем и морфем, из морфем и слов и т. п., так же как нет линейных последовательностей, состоящих из расположенных друг за другом фонем, морфем и слов.

Единицы разных уровней обнаруживают, таким образом, только иерархические отношения, которые можно определить терминами «состоит из...» или «входит в...»

Соответственно уровни, рассмотренные или взятые как большие классы (сверхклассы, и сверхпарадигмы), не образуют никаких более крупных классов (например, сверхкласс фонем и сверхкласс морфем не образуют совместно никакого более крупного класса) и не могут вступать в межклассные линейные, или синтагматические, отношения. Сверхклассы в отношении друг к другу обнаруживают только иерархические отношения.

Из изложенного, между прочим, следует, что иерархические отношения между величинами исключают как парадигматические, так и синтагматические отношения между ними. Наоборот, наличие парадигматических и синтагматических отношений между величинами свидетельствует об отсутствии иерархических отношений между ними и в силу этого о принадлежности их к одному уровню. Из сказанного также следует, что «уровневые» объединения единиц являются предельно широкими классами единиц в данном языке.

Уровень языка как сверхпарадигма образуется (имеется в виду синхронное устройство, а не генезис в историческом смысле) в результате объединения малых парадигм во все более крупные парадигмы. Тем самым уровень можно считать результатом «исчерпывания» парадигматических свойств определенного набора единиц. Более широкой парадигмы единицы этого набора образовать не могут. Парадигматические свойства данного набора единиц, проявляющиеся в способности образовывать все более широкие классы, оказываются реализованными полностью. В результате происходит «перелом качества». В отношении единиц других уровней единицы данного уровня более не реализуют парадигматических свойств. В пределах уровня также исчерпываются и синтагматические свойства единиц.

Иными словами, все возможные линейные комбинации единиц оказываются реализованными в пределах данного уровня. Единицы другого уровня единицы более не имеют своих синтагматических свойств. Уровень в соответствии со сказанным можно определить как замкнутый набор относительно однородных единиц, в пределах которого полностью реализуются парадигматические и синтагматические свойства этих единиц. Иными словами, парадигматические (внутри-классные) и синтагматические, или комбинаторные (межклассные), отношения реализуются только в пределах уровней. Уровни представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурой).

Единицы этих систем обладают парадигматическими и синтагматическими свойствами, но не обладают иерархическими свойствами

относительно друг друга. Они неделимы в пределах своего уровня. Именно в силу этого слова независимо от степени их собственной усложненности в пределах своего уровня выступают в отношении единиц других уровней как одно-порядковые с точки зрения сложности величины. Деление любого слова ведет к выходу на другой уровень.

Сложные слова, даже если их компоненты по отдельности неотличимы от самостоятельных слов, например *мореплавание*, состоят из морфем, а не слов. Два слова, связанные отношением деривации, например *стол* и *столлик*, не относятся к разным уровням, поскольку их отношение не есть отношение иерархичности определяемое в терминах «состоит из...» или «входит в...». В состав слова *столлик* входит, как уже говорилось, не слово *стол*, а морфема *стол-*. Отсутствие иерархических отношений между словами *стол* и *столлик* подтверждается наличием у этой пары слов парадигматических и синтагматических отношений.

Уровни можно определить как подсистемы общей системы языка. Уровневые подсистемы не являются элементами по отношению к общей системе языка, но представляют собой части общей системы, связанные иерархическими отношениями" через свои единицы. Уровни как бы входят друг в друга, они не наложены друг на друга, а переплетены. При функционировании языка в движение вовлекаются одновременно все уровни, точнее, единицы всех уровней, поскольку эти единицы являются составными частями, из которых путем ступенчатого соединения образованы в конечном счете коммуникативные речевые единицы — предложения. Поэтому в предложении представлены своими единицами все уровни языка.

Единицы высших уровней представляют собой сложные образования по отношению к единицам более низких уровней. Эти сложные образования являются системами, в которых единицы низших уровней выступают элементами. Так, предложение есть система, элементами которой являются слова; слова суть системы, элементами которых являются *морфемы*. В известном смысле звуковые оболочки морфем также могут быть определены как системы, элементами которых являются *фонемы*. При этом нас не должно смущать, что звуковая оболочка морфемы выражает смысл, а фонема не выражает. Ведь переход от элементов к системе, образованной этими элементами, всегда влечет за собой появление

нового качества. Слово всегда обладает иным качеством, чем входящие в него морфемы, а предложение совершенно иным качеством, чем входящие в него слова (в частности, качеством предикативности и коммуникативности).

Таким образом, относительно однородные элементы, составляющие один уровень, с одной стороны, в пределах своего уровня реализуют свои парадигматические свойства, образуя различные классы (парадигмы), с другой стороны, сочетаясь в линейной цепи, реализуют свои синтагматические свойства. Синтагматические комбинации элементов уровня служат для образования некоторых систем, которые представляют собой единицы, или элементы, других уровней.

Если вся совокупность единиц одного уровня образует некоторую частную систему (подсистему) на основе реализации парадигматических свойств этих единиц, причем такая система существует потенциально, то линейные комбинации отдельных единиц или групп единиц образуют конкретные системы, представляющие выход на соседний уровень и существующие в речевой цепи актуально.

Но если, как это утверждалось выше, все иерархические отношения даны в речевой цепи, а уровни представлены в предложении, то они могут быть обнаружены в речевой цепи, или в синтагматике. Критикуя теорию уровней в том виде, в каком она представлена в лингвистических работах, С. Д. Кацнельсон упрекает дескриптивистов за то, что они добывают единицы и соответственно уровни в синтагматике. Он пишет: “Добывая языковые единицы непосредственно из и располагая их по уровням в зависимости вычленения из фразы, теория уровней явно упрощает дело. Из двух типов отношений, характеризующих речевую деятельность,— парадигматических и комбинаторных — она в сущности говоря, учитывает только комбинаторные” (Кацнельсон, 1962, 37). Этот упрек вряд ли справедлив.

Во-первых, помимо названных двух типов отношений существует третий тип отношений — иерархические отношения, которые, очевидно, в первую очередь берутся в расчет при распределении единиц по уровням. Во-вторых, в синтагматике, как уже говорилось, в скрытом виде (в виде представителей классов) даны отношения классов — как синтагматические, так и иерархические (последние несводимы ни к

парадигматическим, ни к синтагматическим). В-третьих, учитывая комбинаторные отношения, вообще нельзя выделить единицы разных уровней. Поскольку, например, отношения предложения и слова, слова и морфемы, морфемы и фонемы есть не комбинаторное отношение, а отношение иерархическое.

При бесконечном развертывании синтагматической цепи в ней рано или поздно оказываются использованными все элементы (единицы) языка, составляющие парадигмы и сверхпарадигмы. Если в каждом речевом акте парадигма и сверхпарадигма представлены одним представителем, то в совокупности всех теоретически возможных актов речи оказывается представленной вся парадигма или сверхпарадигма, которая выше была определена как уровень.

В речи дано все, что есть в языке. Если в речи после извлечения языка может быть обнаружен некоторый *сверхязыко-вой остаток*, то язык дан в речи полностью, без всякого остатка. Свойство линейности единиц языка реализуется в пределах уровней. В речи «линейности» уровней оказываются включенными друг в друга. В любом речевом образовании обнаруживается несколько уровней. Если взять из речи любое слово, состоящее из ряда морфем, например слово *стол-ик-у*. то в нем обнаруживается: а) линейность самого слова, вступающего в линейные же отношения с другими словами, б) линейность морфем и в) линейность фонем, образующих звуковую оболочку слова и составляющих его морфем.

В составе слова и линейность морфем, и линейность фонем и заключены в линейности слова и подчинены ей. В составе предложения линейные последовательности единиц всех уровней включены в линейность предложения. Многоуровневость, или многоярусность, строения языка во всяком речевом акте представлена не в виде возвышающихся друг над другом этажей, а в виде линейной последовательности. В синтагматике языка — в реальной речи — представлены актуально отношения синтагматические (в виде отношений представителей классов) и по (отношения внутриклассов) и отношения иерархические (отношения между сверх классами).

Подытоживая изложенное выше, можно констатировать, что уровневые свойства единиц языка определяются совокупностью трех наиболее общих

видов отношений, в которые могут вступить единицы языка: синтагматические, парадигматические и иерархические. В наиболее общем виде уровень языка есть предельно широкая упорядоченная совокупность относительно однородных единиц (сверхкласс, или сверхпарадигма), не находящихся в иерархических отношениях друг с другом и способных вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения.

Глава II Грамматические категории

2.1. Понятие о грамматической категории

Грамматическими категориями называются обобщенные типы грамматических значений, реализуемые в парадигмах форм. Грамматические категории – это заложенные в самой системе языка действительные языковые сущности: «свойства лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившие в языке грамматическое выражение» (Ахманова, 1966, 191). Понятие грамматической категории находится, таким образом, в связи с понятиями грамматического значения и формы его выражения. Обратимся к конкретным фактам языка. Словоформа *стенам* реализует грамматические значения категорий рода, числа и падежа. Глагольная форма *хвалим* выражает конкретные, частные грамматические значения категорий лица, времени, наклонения, залога, вида, числа. Каждая из названных грамматических категорий представлена в словоформе тем или иным конкретным грамматическим значением. Словоформа реализует одно или ряд грамматических значений и, следовательно, имеет отношение к одной или ряду представляемых этими значениями грамматических категорий. С другой стороны, любая грамматическая категория проявляет себя в системах форм. Так, категория падежа реализует в падежной парадигме склонения имени, например, *стол- стол-а – стол-у – стол - стол- ом - стол-е*, категория числа- в изменении слов по числам (*дом – дом-а, был- был-и, бел- ый – бел- ые* и т. П.), категория лица – в системах личных форм спряжения глагола (*ид- у --- ид-ешь --- ид—ет*). Итак , всякой грамматическое категории в каждом конкретном случае соответствует иной тип грамматических значений, выражаемых соотнесительными грамматическими формами (парадигматическими рядами).

Сущность грамматической категории определяется содержанием и расчлененностью в ее основании типа грамматического значения. Как единицы плана содержания языка, грамматические категории лежат в одной плоскости с грамматическими значениями. Грамматические категории являются наиболее общими, заложенными в содержательно-грамматической системе языка действительными грамматическими понятиями, обобщающими однородные грамматические значения и выражаемыми соотносительными формами слов (см : Бондарко, 1971; Головин, 1966; Гухман, 1968; Исаченко, 1961 и др)

Первичным является содержательный момент всякой категории–расчлененные и противопоставленные однородные значения. Вторичным и внешним по отношению к грамматическим значениям и обобщающим их грамматическим категориям моментом является грамматическая форма выражения –словоформа, реализующая то или иное грамматическое значение отдельно или в комплексе с инотипными грамматическими значениями и конституирующая в системе форм грамматическую категорию. Всякая словоформа является лишь частным проявлением той или иной категории и как форма выражения она не определяет ее сущности, но именно благодаря выраженности в ряду словоформ категория становится фактом грамматического строя языка. Отсутствие в языке определенного ряда словоформ означает, что соответствующее мыслительное содержание не получает в языке специальной грамматической реализации и не образует особой грамматической категории. Поэтому, хотя грамматические формы выражения сами по себе не определяют сущности грамматической категории, они все же актуальны для нее как формальные реализаторы. За противопоставляемыми друг другу грамматическими формами стоят ряды грамматических значений, образующих грамматические

категории. Каждый такой ряд значений имеет общий тип. Так, значения единственного и множественного числа обобщаются в общем типе –грамматическом числе. Аналогичными типами-категориями является род, время, падеж, наклонение и т. д. Объединяясь в общий тип, грамматические значения противопоставляются одно другому в пределах типа характером конкретного содержания. Так, грамматическое число расчленяется на значения единственного и множественного число, категория лица- на значения первого, второго и третьего лица и т. д. Таким образом, структурную основу всякой грамматической категории составляет противопоставленность образующих ее грамматических значений по содержанию и соответствующая ей оппозиций форм выражения.

2.2. Типы оппозиций в структуре грамматической категории

Принцип оппозиций –не только основной формальный метод анализа плана выражения и плана содержания категорий, но и характерное внутреннее свойство их. Не отдельное частное значение, взятое само по себе, а соотношение противоположаемых однотипных (однородных или одноплановых) значений, выраженных в парадигме форм, определяет сущность грамматической категории. Функционирование в языке любой грамматической категории основано на том или ином способе противопоставленности разных, но одноплановых грамматических значений. Принцип оппозиций лежит в основе структурной организации языка и обусловлен его мыслеформирующей функцией, диалектической связью –единством и взаимодействием –языка и мышления. Принцип оппозиций в структуре грамматической категории отражает общий диалектический закон познания(см.: Исаченко, 1963;

Булыгина, 1969; Коротков, 1965; Моисеев, 1965; Сятковский, 1966; Хаймович, 1968; Штелинг, 1959).

Различаются два типа противопоставленности : 1) взаимоисключаемость ; 2) привативная оппозиция

В отношении взаимоисключаемости находятся в равной степени выраженные и противоположные (антонимичные) значения, например, единственное и множественное число, прямой и косвенные падежи, действительный и страдательный залоги в русском языке. Взаимоисключающими, очевидно, могут быть в равной степени выраженные, равноправные, но противоположные значения. Так, если словоформа *стена* выражает единичность, а словоформа *стены* – множественность и значения эти равносильны и равноправны, поскольку они самостоятельно выражены (форма *стена* и сама по себе, взятая вне контекста, обозначает единичность), то эти словоформы образуют эквивалентную оппозицию противоположенных взаимоисключающих значений. Антонимичная противопоставленность (взаимоисключаемость) грамматических значений характерна для флективных языков, поскольку флексия отмечает каждое из противоположенных значений. Привативная оппозиция – это противопоставление сильного и слабого членов парадигматического ряда. Сильный член отношения специально выражен. Но сильным, он является не потому, что выражен. Наоборот, он выражен потому, что сильный. Сильным является член оппозиции, имеющий строго определенное грамматическое значение, фиксированное специальным показателем. Слабым и невыраженным (неотмеченным) членом оппозиции является форма, нейтральная в плане значения, выраженного в сильном члене оппозиции. Нейтральная – значит, не выражающая ни значения, равного значению сильного

члена отношения, ни значения, противоположенного ему, но способная в зависимости от контекста выразит или первое, или второе значения. В китайском языке, например, как свидетельствуют синологи, имена существительные не изменяются по числам. Категория числа отражена определенным образом лишь у личных существительных, которые присоединяют суффикс собирательной множественности –мэнь. Суффиксальная и бессуффиксная формы составляют оппозицию, в которой сильным членом будет собирательная суффиксальная форма, а слабым – бессуффиксная. Слабый член оппозиции сам по себе не выражает ни единичности, ни множественности, т. е. нейтрален в отношении числа. Однако в соответствующем контексте он может получить значение единичности или множественности. Очевидно, что противопоставление сильного, маркированного, или отмеченного, и слабого, немаркированного, членов оппозиции не является взаимоисключаемостью. Второй тип противопоставленности значений в структуре грамматической категории характерен для языков изолирующего (корневого) и агглютинативного сырья

Минимальным является двучленный ряд противопоставления единственного и множественного числа, совершенного и несовершенного вида, действительного и страдательного залога и т. д. Однако, принцип бинарных оппозиций не может быть единственным и всеобщим принципом организации грамматической категории. Падежные системы имен в славянских и особенно в тюркских, угро-финских и кавказских языках, глагольно временные системы и западноевропейских языках представляют собой многочленные ряды значений и формы.

Грамматический строй языка определяется характером двух основных единиц – слова и предложения. Грамматика языка – «это не что иное, как совокупность и система присущих языку грамматических категорий» (Головин, 1966, 151). Следовательно, грамматические категории характеризуют грамматические качества слова и предложения. Они и подразделяются на грамматические категории слова и грамматические категории предложения. Грамматический уровень слова – морфология языка, грамматический уровень предложения – синтаксис. Морфологические категории слова подразделяются, на общие категории частей речи (существительность, признаковость, глагольность, наречность и т. д. частные категории словоформ (род, число, время, наклонение, залог и т. д. Синтаксические категории подразделяются на категории членов предложения, или категории словесных позиций, и грамматические категории модели предложения (категории словесных конструкций – в концепции Б. Н. Головина, 1966, 150-152). Данное здесь определение грамматической категории характеризует значения словоформы в соответствующих разделах.

Итак, на уровне грамматики слова категория характеризуется следующими основными признаками (см : Смирницкий, 1955, 213).

- 1) грамматическая категория – содержательная единица языка.
- 2) В грамматической категории обобщаются ряды однотипных грамматических значений, образующих оппозиции. Тот или иной тип грамматических значений, сведенных в категорию, является определяющей содержательной стороной грамматической категории, а разновидности грамматических значений выступают как частные ее проявления.

- 3) Грамматические формы, выражающий ту или иную категорию, образуют ряды или системы форм (парадигмы), в которых они противопоставлены и соотносительные по значению и его Грамматическому выражению. Содержание и сущность грамматической категории определяется соотношением и противопоставленностью грамматических значений, выраженных в парадигме форм.
- 4) Грамматические категории Представляют собой единства однотипных грамматические значений и форм их выражения.

Выявление грамматических категорий в каждом языке должно основываться на определении значений грамматических форм выражения, на учете содержательной и выражающий сторон языка в их единстве и взаимодействии.

Грамматические категории подразделяются на категории словоизменяющие противопоставляющие формы одного слова (число и падеж существительных; время, наклонение, лицо и число глаголов; род, число и падеж, прилагательных) и классифицирующие², данные в содержании слова как его грамматическая примета (род существительных, вид глаголов).

Поскольку грамматические категории генетически связаны с субстантивными или предикативными речи, они могут быть разграничены на субстантивные и предикативные. Субстантивные категории связаны с формированием предметности –общеграмматического значения существительного части речи. Предикативные категории формируют глагольность–общее грамматическое значение глагола как части речи.

2.3. Типы морфологических категорий в языках

2.3.1. Категория класса, рода, числа и падежа

Наиболее характерными субстантивными категориями является класс, род, число и падеж.

Категория грамматических классов является классифицирующей категорией субстантива. Она проявляет грамматические организующее и господствующее положение существительного по отношению к подчиненным ему, формально и лексически зависимым словам, требование грамматического уподобления, формального соответствия, согласованности с грамматическим субъектом или объектом зависимых слов и, таким образом, образует согласование в структуре предложения. Грамматические классы – это группировки имен существительных, различающиеся особыми формально-грамматическими экспонентами – классными показателями, с помощью которых и осуществляется согласование. В одних языках классный показатель входит в состав субстантива как его грамматическая морфема и повторяется в зависимых, определяющих существительное членах предложения, в других – определитель класса соединяется с членами предложения, согласованными в классе с субстантивом, но отсутствует в последнем, точнее – для современного строения слов не вычленяет.

Примеры классного согласования: (суахили) Ki-tabu ki-le ki-zuri ki-nalala mezani « Та красивая книга лежит на столе» (буквально: книга (она) –та (она) –красивая (она) –лежит на столе»¹ ; (зулу) Ki-su ki-le ki-kali ki-meanguka « Нож тот острый упал» (буквально: «нож (он) –тот (он) –упал») (Мягина, 1961, 548).

В языках банту системы грамматических классов сохранилось в наиболее стройном и цельном виде. Именная классификация пронизывает всю грамматическую систему суахили: словоизменение и словообразование, синтаксические связи словоформ в предложении – и является важнейшей грамматической категорией существительных. Исследователи суахили выделяют в нем пять классификационных групп: 1) классы, основанные на разделении мира на категории людей, деревьев, животных, вещей и т. д.; 2) классы, связанные с понятием сравнительной величины обозначаемых предметов (увеличительные и уменьшительные); 3) классы, связанные с количественной характеристикой (значением единности, собирательности, непарности парных предметов); 4) классы, основанные на определении взаимного положения предметов в разделении предметов на одушевленные и не одушевленные.

Грамматические классы является типологически общей чертой значительной части иберского кавказских языке например, простейшую схему классы представляется аварский язык (см: Меновщиков, 1986, 94-98).

1-й класс – имена существительные, обозначающие лиц мужского пола и мужских персонажей мусульманского культа («мужской класс»): вас «сын» , емен «отец» , учитель, малаик «ангел» и т. д. 2-й класс - имена существительные, обозначающие лиц женского пола («женский класс») : ебел «мать» , йас «Дочь» и т. п. 3-й класс - имена существительные, называющие животных, вещи, явления природы и понятия («средний класс»). Аналогичную трехчленную схему классов имеют багулалский, ботлихский, даргинский, джекский, хиналугский и некоторые другие языки Дагестана. Но наиболее типичной для дагестанских языков является система четырех классов, различающихся классными

экспонентами: 1-й класс –« мужской», 2-й –«женский», 3-й и 4-й –«вещные». Четырехклассные системы представлены в андийском, дидойском, арчинском, капучинском, лакском, рутульском, цахурском, и многих других языках Дагестана. Следует подчеркнуть что названия даже мотивированных классов в большей или меньшей степени уже условны. Так, в лакском языке в «женский» класс входят лишь немногие названия женщин, такие, например, как *нину* «мат», *щарсаа* «женщина». Наименования же самостоятельно работающей женщин исторически вошли в «вещные» класс, объединившись в нем с названиями животных и большинства неодушевленных предметов. Это свидетельствует о формализации, грамматизации, категории классов. В кавказских языках, в отличие о африканских, принадлежность имени классу определяется не морфологической структурой субстантива (существительные не сохранили в своем морфемном составе классных экспонентов, а установление класса –дело привычки говорящего). Класс выясняется в формах согласования прилагательных, глаголов, наречий, отдельных падежных форм имен с именем существительным. Каждому грамматическому классу соответствует свой показатель, присоединяемый к согласуемому с именем членам предложения. Показателем класса могут быть префиксы (в формах согласованных глаголов, местоимений прилагательных и т д.), суффиксы присоединяемые к отдельным падежным формам имен, и реже инфиксы. Например, в даргинском языке Показатели классов –префиксы : в для «мужского», р для «женского» и б для «среднего»: а) в составе глагольных форм: *узи в-акиб* «брат пришел» -*руи р-акиб* «сестра пришла» (здесь, кстати, и в существительном различим показатель класса) – *машина –б- акиб* «машина пришла»; б) в составе прилагательных: *в-алкла урши* «хромой мальчик» - *р-алкла рурси* «хромая девочка», *б- алкла хя* «хромая собака». В

формах местного падежа существительных классные показатели выступают как суффиксы: *урши хъули-в ле-в* «мальчик в комнате» *жита хъули-в ле-в* «кошка -в комнате». Последние примеры показывают, что присоединяемые к разным согласуемым словам классные показатели могут повторяться в предложении. В ряде случаев этимологический анализ структуры слова позволяет установить омертвевшие классные показатели в составе имен существительных. Есть все основания полагать, что некогда в классных языках Кавказа, как и в современных африканских языках, каждое существительное обладало соответствующий классным экспонентом. В процессе развития грамматических структур классные показатели утратили способность выделяется в морфемном составе существительных в результате морфологического опрощения основ.

Грамматическая категория **рода** – классифицирующая категория имен существительных в индоевропейских, семитских, дравидских и некоторых американско-индейских языках, однопорядковая с категорией класса. Грамматическое значение рода дано в грамматическом содержании субстантива как его формальная примета, определяющая грамматическую связь согласуемых с ним форм.

Имена существительные не изменяются по родам. Семантическими составляющими категории рода является значения мужского, женского и среднего рода (например, в немецком и русском языках) или мужского и женского рода (как в литовском, французском, индоиранских). Грамматическое значение рода существительного выявляется синтаксически – формами согласуемых с данным существительным прилагательных, причастий, местоимений, числительных, глаголов. Ср.: *маленький*

кенгуру, старый шимпанзе, черный кофе, твое ампула, рабочий Баку.

В немецком языке кроме того, род быть показан артиклем. Сущность современной грамматической категории рода, как указывал Ж. Вандриес, сводится исключительно к согласованию, к формальному уподоблению согласуемого с именем существительным слова. [Вандриес, 1937, 91-113]. Конечно, в каждом языке существуют и иные, кроме синтаксических, приметы рода. Он может быть определен по смыслу существительного – в тех случаях, когда значение рода мотивировано значением пола. Так, например, существительные *дядя, юноша, брат, свекор* относятся к мужскому роду, а существительные *сестра, тетя, свекровь* – к женскому. Показательно, что, хотя в славянских языках окончание *-а* является приметой имен женского рода, одушевленные существительные типа *дядя, юноша* имеют значения мужского рода. В словацком языке имена существительные на *-а*, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к женскому роду: *analýza* «анализа», *autorita* «авторитет», *banka* «банк», *briketa* «брикет», и т. д., но названия лиц мужского пола с тем же окончанием относятся к мужскому роду: *artista* «артист», *ateista* «атеист», *buldozerista* «бульдозерист», и т. д.; ср. также польские: м. р. *Aktywista* «активист», но ж. р. *Alizaryna* «ализарин»; м. р. *Alpinist* «альпинист»; но *aniline* (ж. р.) «анилин» и т. д.

Не исключается полностью и морфологической способ формального определения значения рода – по характеру окончания, морфологической структуре. Как отмечено, в славянских языках неодушевленные существительные на *-а* последовательно относятся к женскому, а существительные на *-о, -е* – к среднему роду. Грамматическое значение рода формально может быть проявлено падежной парадигмой. Так, существительные типа *кость* и *гость* в современном

русском языке имеют разные парадигмы склонения в соответствии с различиями в роде. В отдельных случаях и личные существительные согласно словообразовательной структуре получают такое значение рода, которое противоречит их смысловому содержанию. Так, в древнеанглийском языке, по свидетельству проф. Б. А. Ильиша, слова *wifman*, *wimman*, «женщина» относилось к мужскому роду потому, что в его структуре второй компонент *-man* – мужского рода, а слово *moezden* «девушка» – к среднему, так как оно образовано с помощью суффикса *-en* (словообразовательного показателя среднего рода) [Ильиш, 1958, 68].

Категория рода как и всякая грамматическая категория языка, является продуктом длительного и сложного развития грамматической системы, в котором сочетаются действия экстралингвистических и структурных, внутриязыковых факторов. В категории рода происходят изменения, преобразующие ее содержание, структуру значений, средства и способы выражения. Так, в современном английском языке категория рода сохранилось только в системе местоимений и полностью утрачена существительными. В древнеанглийском языке показателями рода служили падежные формы имени, формы склонения согласуемых с ним прилагательных, местоимений. Но уже в древнеанглийский и особенно в последующие периоды происходят значительные изменения в фонетической и морфологической структуре слова: ослабление безударных слогов, перенос падежных окончаний из одного типа склонения в другой, стирание падежных различий. Видимого отпадения флексий и особенно утрата склонения сильных прилагательных, установление единой формы определенного артикля решающим образом повлияли на судьбу категории рода в английском языке. В романских языках исторически

утрачено значение среднего рода. Средний род исчезает и в албанском языке, где он представлен сейчас всего лишь несколькими вещественными существительными типа *mish* «мясо» *ujë* «вода», *miell* «мука», *mjalta* «мед», *dylle* «воск» *vaj* «масло», которые постепенно переходят в мужской род. В датском языке, напротив, средний род удерживается, а в противостоящем ему «общем» роде слились мужской и женский. В большинстве иранских языков в настоящее время полностью утрачено различие по роду, хотя в древнеиранских языках было три рода – мужской, женский и средний. В некоторых из них (курдском, афганском, ряде памирских) в том или ином виде категория рода сохранилась. Конечно, исторические судьбы всякой языковой категории определяются внутренней организацией языковой системы, но, по-видимому, существенное влияние на грамматический строй языка может оказать и языковое окружение, взаимодействие с другими языками и т. д.

Постепенная формализация рода, семантические изменения в лексике и различные другие языковые факторы способствуют перемене грамматических значений рода. Исторически изменили первоначальные значения рода в русском языке существительные *больш* (в др. – рус. Языке – м. р.), (др.- рус-м. р., ср.: *гьртани моему*), *рысь* (др. –рус-м. р., ср.: *рысь тоучьнь*), *печать* (др. – рус- м. р., ср.: ТВ. П. *печать*) и т. д. .

Определенные формальные изменения в большой группы существительных. Ср.: *die Woge* « волна», ср. –в . –нем. *Der trahen*; *die Wolke* «облако», ср. –в . нем. *Daz wolken*; *die Waffe* «оружие» , ср.-в.-нем *das Wafen* и т. д. [Ильиш, 1958, 68-70] . Аналогичные факты можно найти в истории французского и других языков.[см: Пауль, 1960,320; Вандриес, 1937, 93].

Проблема происхождения и реальных источников категории рода является одной из наиболее сложных проблемы лингвистики. Несомненно, категория рода является продуктом развития одного из типов номинальной –предметно –именной – классификации, наряду с грамматическими классами африканских и кавказских языков. В самой терминологии рода как будто выражена связь его с половой дифференциацией живых существ. Однако сложившаяся грамматическая категория рода как явление грамматического строя языка ничего общего не имеет с различием полов по своей сущности. Как правило, различия между мужским и женским полом живых существ выражаются лексическими и словообразовательными средствами. Поэтому не все языки, различающие предметы по естественному полу, обладают грамматической категорией рода. Так, например, различие по полу лексически выражено в тюркских и угро-финских языках, но в них нет категории рода. Выражение пола в языке не формализовано, т. е. не является фактом грамматики форм. Оно относится к словообразованию. Ср.: волк –волчиц-а, коза- козел, овца- баран, корова-бык, заяц – зайч-их-а и т. д. правомерно говорить о словообразовательном и лексическом характере языковой категории пола. Следовательно, между грамматической категорией рода и лексической категорией пола лежит глубокое языковое различие. Языковое значение пола основано на действительном половом противопоставлении живых существ и составляет момент лексического содержания их названий. Род- грамматическая формальная категория, составляющая примету имен существительных независимо от того, имеют или не имеют отношение к полу обозначаемые ими предметы. Формализованный характер грамматической категории рода обусловлен системной организацией строя языка. Род как грамматическая примета

имени существительного организует его грамматические связи в предложении, согласование грамматических зависимых, определяющих слов с зависимым и определяемым субстантивом.

Вместе в том вопросе о соотношении рода и пола имеет определенное значение для выяснения языковой природы и семантической сущности рода, поскольку очевидно, что независимо от действительных источников происхождения грамматический род исторически осмыслен в его отношении к полу называемого существительным лица или животного. Именно поэтому названия лиц мужского пола имеют значение мужского рода а лиц женского пола относятся соответственно к женскому роду. Соотносительные с мужским и женским полом одушевленные имена существительные образуют своеобразную систему соответствий между грамматическим родом и лексическим полом, которая в индоевропейских языках может быть сведена к следующим пяти группам: 1) имена существительные мужского рода, обозначающие лиц мужского пола (тип *отец, брат, хозяин* и т. п.); 2) имена существительные женского рода не называющие лиц женского пола (типа *мать, дочь, свекровь* и т. п.); 3) имена существительные мужского рода обозначающие лиц женского и мужского пола (ср.: *директор Иванов и*

директор Иванова). Любопытно , что существительные женского рода не называют лиц мужского пола. Для этого образуются специальные слова мужского рода. Ср.: *медсестра – медбрат, доярка – дояр*. В этом, в частности, и проявляется словообразовательный характер категории пола в языке; 4) имена существительные женского рода, называющие живые существа (птиц, животных, насекомых) обоих полов, например: *ласточка, синица, белка, мышь* и т д.; 5) имена существительные «общего» рода, выражающие чаще всего качественные признаки лица и принимающие значение мужского рода, выражающие чаще всего качественные признаки лица и принимающие значение мужского рода по отношению к лицу мужского пола и женского рода по отношению к лицу женского пола, например: *плакса, лакомка, скряга, грязнуля* . ср. : *какой ты соня и Какая ты соня* ; *Большой умница и Большая умница*. Аналогичные группы выделяют исследователи латинского и древнегреческого языков¹. В древнегреческом языке существительные «общего» рода конкретизировали родовые значения с помощью артикля; например: *αἰνῶπις* «человек» (общий род) – *ἀνδρῶπις* «мужчина» (м. р.) и *θηρῶπις* «женщина» (ж . р.). Если грамматический род не соответствует полу (например, имя мужского рода

обозначает особи обоих полов, а имя женского рода обозначает и самку, и самца), различие полов выражается описательно: ὑψηλειαυέος «богиня» - ἄσηνυέος «бог». В латинском языке существительные «общего» рода получают значение мужского рода в сочетании с местоимением мужского рода и значение женского рода в сочетании с местоимением женского рода: hic civis «гражданин» - haec civis «гражданка», hic parens «родитель» - haec parens «родильница». В дальнейшем для различения полов стали пользоваться более рациональным средством : изменением окончания, прибавлением суффиксов и т. п. Ср. : греч. М. р. υέος «бог» и ж. р. υεα' «богиня» ж. р. ἄδελφός «брат» и ж. р. αδελφη' «сестра».; лат.: dues «бог» - dea «богиня», dominus «господин» - domnia «госпожа» [см. об этом: Немировский, 1938, 203] рус. *Супруг* и *супруга*, *тесть* и *теща* *гость* и *гостья* и т. п. Как видим, в одних случаях значение рода имени вполне соответствует полу обозначаемого лица, а в других – прямое соответствие между родом и полом отсутствует.

Принцип распределения имен по родам в соответствии с естественной дифференциацией существ или под каким бы то ни было влиянием ее является позднейшим ,осмыслением говорящими какой-то иной древнейшей классификации имен, скрытой в основных своих чертах от современного исследователя. Не лишена оснований гипотеза о том, что грамматические рода являются, возможно, дальнейшим развитием' одной из древнейших классных систем. По крайней мере, установлено определенно, что родовой классификации существительных в языке предшествовало

подразделение имен на два класса — класс личный (социально активный) и класс вещный (социально пассивный). В основе индоевропейских родовых классов лежат древнейшие Представления человека о противоположности двух начал личного (социально и производственно активного,) и производственно активного) и пассивного, неличного, вещественного (Я кубинский 1953,168) Видимо, сначала пол не оказывал влияния на формирующуюся классную систему. Ср. указание акад. Н. Я. Марра: «Первобытное человечество" .полом как -полам при сложении своего мировоззрения не интересовалось» Марра1930 , 42 А. Мейе, крупнейший индоевропеист нашего времени, различал в языке-основе два рода: одушевленный и неодушевленный.(Мейе 1938 ,205-206) В хетто-лувийских языках (письменность второго тысячелетия до н . э) в склонении имен противопоставлены рода: общий и средний. В четности в одном, из древнейших индоевропейских; письменных языков хеттском — противопоставляются одушевленный средний неодушевленный классы. Видимо, для индоевропейского праязыкового состояния правомерно предположить, два рода или, может быть, точнее — класса активный . (одушевленный) и пассивный (неодушевленный). В первый входили существительные ,обозначавшие социально активные предметы, во второй — названия пассивных предметов.

В неодушевленный, социально пассивный класс, включались также названия рабов и т. п. лиц, которые не имели общественных прав, т. е. не были социально активны. Например лат. *man- sīrium* —в одном из значений «раб» относится к среднему роду. Два класса в индоевропейском языке были противопоставлены формами склонения. Имена личного класса «имеют¹, особые формы для субъектного (именительного) и объектного .(винительного) падежей, а имена вещного, пассивного класса не различают форм этих падежей. Это отражено и в современных славянских языках Ср.: русск. им. и вин. п. *сѣла*.

Первоначальная система классов подверглась преобразованию в «связи с осознанием естественной дифференциации живых существ. Активный ; (личный) класс стал базой для образования мужского и женского а пассивный (вещный) лет «в основу среднего рода. В дальнейшем уже под влиянием внутриязыковых факторов, например совпадения окончаний существительных мужского и среднего рода в романских языках, средний род в последних «растворился» в мужском.

Наиболее сложным в проблеме рода является вопрос о том, почему подразделение именно родам распространяется И на имена, обозначающие предметы неживой природы. Попытки ответить на этот вопрос вызвали множество гипотез о происхождении и первоначальном развитии категории рода. Начиная с античности, варьируется мысль о том, что значения рода у названий неодушевленных предметов связаны с одухотворением предметов сознанием первобытного человека. Г. Пауль писал: «Основу для образования грамматического рода образует б и о л о г и ч е с к и й п о л людей и животных. Если, кроме того, мужской и женский род придается названиям предметов, а также названиям качества или деятельности, то кто (результат действия фантазии, воспринимающей эти явления по аналогии с человеческой личностью) (Пауль 1960, 316) Сходную мысль развивал А. А. Потебня: «Пол как общая категория всех вещей находился в связи с воззрением 10 что все вещи живут подобно; человеку и ближайшим к нему животным».(*Потебня 1968, 462*). Основным недостатком этой концепции, не основывающейся на глубоком изучении истории рода, систематизации и обобщении фактов, состоит, в том; что причины развития языковой категории авторы ее пытаются найти вне языковой системы, не учитывая закономерностей ее внутреннего развития, тогда как именно системный характер отношений между единицами языка обуславливает развитие всякой языковой категории. Именно влиянием системных отношений между языковыми формами объясняется то, что категория рода охватывает все имена существительные как «часть речи в целом. В этом и состоит ее формально грамматическая сущность, определяющая согласовательный характер рода в современных языках. Не исключается также гипотеза о происхождении и первоначальном формировании категории рода отменно как формальной согласовательной категории имен существительных.

Категорию падежа образуют ряды форм склонения, противопоставленных по грамматическому значению отношения. Формы склонения — это видоизменения имен существительных, прилагательных,

числительных, местоимений, «обусловленные характером синтаксической Связи с другими знаменательными словами — именами и глаголами, а также функциональным заданием в предложении. В основе любой падежной системы лежит простейшее бинарное- противопоставление форм прямого (независимого) и косвенного (зависимого) падежей. Двучленный ряд, образуемый противопоставлением субъектного падежа объектному, является минимально возможным рядом склонения. Это значит, что нет и не может быть языка, в котором бы категория падежа, если конечно, она не является затухающей категорией была представлена всего лишь одним падежным значением, т. е. одним падежом. Вместе с тем есть языки которых категория падежа вообще отсутствует (китайский, вьетнамский, индонезийский, суахили и т. д.). Вопрос о наличии падежей в английском языке остается спорным. Древнеанглийская система склонения почти полностью разрушилась.

Прямой падеж имени выступает в функции номинации — называния предмета. Поэтому предложении он занимает независимое, грамматически господствующее положение, являясь формой подлежащего. Именительный падеж подлежащего характеризует н о м и н а т и в н ы й строй языка.

Косвенный падеж есть «падение», отклонение формы от прямой, обусловленное грамматическому зависимостью, подчиненным положением имени в структуре словосочетания или предложений. В каждой падежно-именной системе различается, как правило, несколько косвенных падежей, противопоставленных значением отношения.

В самой действительности предмет может выступать то как субъект, совершающий действие, то как объект, на который направлено или по отношению к которому совершается оно, то как орудие или результат действия и т. д. Ясно поэтому, что и в мышлении, в структуре мыслительного акта понятие предмета занимает логически не равноценное положение. Таким образом, в изменении имен по падежам получают грамматическое выражение отраженные в сознании отношения между

предметами и действиями: субъектно-объектные, орудийные, притяжательные, причинные, пространственные, временное и т. д. Формируясь как отражение действительных отношений предметов, падежи исторически отвлекаются от реального содержания отношений и в большей или меньшей степени формализуются. В результате формализации падежное значение имени, управляемого глаголом, детерминировано действительностью лишь постольку, поскольку оно является не прямым, а косвенным, отклоненным от прямого, но грамматическое значение косвенного «падежа определяется содержательно-валентными грамматическими свойствами управляющего глагола. Поясним это на примере. Тот факт, что русский глагол *ответить* управляет субстантивом в винительном падеже у с предлогом на, а соответствующий немецкий¹¹ глагол *beantworten* управляет винительным падежом без предлога (например: *den- Brief beantworten* «отвечать на пись мо»), или тот факт что русский глагол *говорить* управляет предложным падежом -с. предлогом о, а немецкий глагол *sprechen* — винительным с предлогом *uber* (например: *uber den Vortrag sprechen* «говорить о докладе»), обусловлен не действительными отношениями предметов, а валентно-грамматическими свойствами управляющих глаголов, Грамматической системой языка. Поэтому правомерно разграничить два типа надежных значений конкретные обусловленные содержанием выражаемого действительного отношения . Форма грамматического падежа выражает формальные связи слов словосочетания

Концепция Е. Куриловича, разграничившего падежи по их синтаксической и наречной функциям, является значительным вкладом в теорию классификации Падежей. С ней перекликается предложенная С. Д. Кацнельсоном классификация падежных функций на субъектно-объектные и обстоятельственные (Курилович 1962,182)

Категория падежа выражает формально-синтаксические (конструкционные) и содержательно-синтаксические отношения между

компонентами словосочетания и предложения. Однако выражение отношения между словами, без которого вообще немислимо грамматически правильное высказывание, не требует обязательного наличия падежных форм. Отношения между словами могут быть выражены предлогами, частицами, послелогами, артиклями, порядком слов и т. д. Поэтому категория падежа не является единственно возможным и обязательным свидетелем смысловых отношений зависимости и подчинения форм знаменательных слов в речи. Так, например, в романских языках имена не склоняются, а синтаксические отношения выражаются порядком следования слов, позицией формы в предложении, соединением с предлогом, артиклем и т. д. То, что в латинском языке выражено падежными формами, во французском передается типом синтаксической связи, дистрибуцией форм, служебными словами, порядком слов, наконец, смысловой зависимостью. Ср.: Je suis a Rome — Romae sum «Я нахожусь в Риме»; Je vais a Rome— Romam eo «Я иду в Рим»; La maison de Pierre — domus Petri «Дом Петра»; Il vient de Rome— Roma venit «Он приходит из Рима» и т. д. (Канцельсон 1972,43-46)

В английском языке категория падежа также не играет существенной роли в выражении синтаксических отношений. (См Панфилов 1954,48) Некоторые исследователи выделяют здесь лишь два падежа существительного— «общий» и родительный принадлежности (так называемый родительный саксонский). Саксонская форма на –'s выражает «понятие принадлежности. Но она ограничена в своем употреблении при именной позицией, а также тем, что наряду с нею, в том же значении функционирует предложно-именное сочетание (существительное с предлогом of). В место падежных форм используются аналитические средства: предлоги, артикли порядок слов. Так, понятие в падежных языках выражаемое дательным падежом, в английском передается сочетанием имени с предлогами to и for. О категории падежа возможна говорить лишь в том случае, если в языке «обнаруживается определенная система словоизменительных форм, с

помощью которых выражаются понятия о связях между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире объективной действительности. В языках, где такой системы нет, нет и склонения, а потому нет и падежей»¹. Показателями падежного значения являются флексии и формообразующие, реляционные аффиксы в единстве и взаимодействии с ударением чередованиями, сочетания флективных форм с предлогами и, т.д.¹² Этого следует правило, что для определения количества падежей в языке нужно учитывать две стороны грамматической формы слова — содержательную и выражающую. В каждом падеже равно количеству падежных значений и форм. Так, в современном русском языке система шести, «межей выявляется при сопоставлении различных типов парадигм склонения. В этом легко убедиться, обратившись к фактам. Существительное *стол* имеет пять различных по характеру окончания форм: *стол — стола ~ столу — стол — столом — столе*. Форма вин. п. внешне равна форме именительного. Как самостоятельная форма она осознается в сопоставлении данного ряда форм с парадигмой склонения одушевленного существительного. Ср.: *волк — волка — волку — волка* и т. д. Еще более четко падежные значения вытекают в синтагматических связях слов в словосочетаниях. В силу системных отношений в языке грамматические категории получают универсальный, т. е. общезыковой характер. А падежные значения обнаруживают и неизменяемые слова. Ср.: *Повесь пальто. Положи в пальто. Пришей пуговицу к пальто* и т. д. Как видим, и «несклоняемые» существительные имеют свои падежные формы.

Все падежные формы слова образуют системы, в которых значение и функция каждой обусловлены соотношениями, противопоставленностью ее другим формам в парадигме и синтаксической позицией в предложении. Так, винительный падеж противопоставлен именительному как косвенный объектный прямому субъектному. В системе косвенных -падежей винительным к падежу прямого дополнения (противопоставлен родительному, дательному, творительному — падежам косвенных дополнений. Соотношениями с

другими падежами в системе определяется смысловая и функциональная нагрузка каждой падежной формы. Как элементы разных падежных систем одноименные падежи разных языков не тождественны по объему грамматического содержания и своему удельному весу в грамматической системе имени. Это значит, что нельзя поставить знак равенства между родительным падежом в русском языке и генитивом в немецком. Равным образом не тождественны русский дательный падеж и немецкий датив и т. д.

Значения падежей в каждом языке многообразны. Так, родительный падеж в русском языке выражает принадлежность (*книга брата*), субъект (*работа ученого*), объект (чтение книги),

свойство предмета (*человек -дела*), отрицание прямого объекта (*не читал этой книги*), партиитивность (*стакан молока*), объект, от которого нечто отделяется (*отойти от дома, вылить из стакана, избегать встреч*),

достижение цели, места (дойти до *Москвы*), дату (*третьего дня*) и т. д. В латинской грамматике различают родительный принадлежности, качества, разделительный, вины, цены и т. д. в древнегреческом—родительный неполного охвата действием (предмета, родительный «касания, родительный обладателя, -родительный отношения, цены, вины, места, времени и т. д.

Падеж – исторически изменчивая развавилсь категория. 13 Развитие категории падежа можно проследить примере эволюции индоевропейского склонения, Праиндоевропейская падежная система объединяла восемь падежных форм; *именительный, звательный, винительный, родительный* (родовой), *отложительный, инструментальный* (творительный) и *местный*. Именительным «называется прямой, «сходный падеж, употребляемый в функции называния предмета. Винительный имел значение объекта, непосредственно подвергающегося действию, полностью им охватываемого. Русский термин калькирован с латинского *accusativus* (от глагола *accusare* «обвинять») Латинский

термин является неверным переводом греческого *aitiatike* (от *aitiaton* «подвергающийся действию») Родительный обозначает род, происхождение предмета. По-русски следовало бы назвать этот падеж родовым (термин калькирован с лат. *genitivus*, который является неудачным переводом греческого *genike* «родовой»). Дательный обозначает предназначенность предмета кому- или чему-либо. Творительный падеж первоначально обозначал социативное отношение — с кем или с чем совершается действие, называемое сказуемым-глаголом. Современное орудийное значение является, по-видимому, вторичным. Отложительным имел общее значение отделения, удаления от чего-либо. Например. *Roma venit* «пришел из Рима»(Леви-Брюль 1980, 97) отложительного падежа принимал субстантив, обозначавший предмет исходило точку отрыва. Местный падеж обозначал место действия лат. *Romae*. Риме», греч. *ο'ι'χοι* «дома». В форме местного падежа выражалось и время: ст.-слав, *томь чась*

Грамматическая категория числа образуется двучленным (единственное—множественное) «ли, реже, трехчленным (единственное — двойственное — множественное) противоположением грамматических значений числа.

Двойственное число свойственно древним индоевропейским, а также современным Эскимосским, самодийским, малайско-полинезийским и некоторым другим языкам. По свидетельству этнолога Леви-Брюля, в бесписьменных австралийских, папуасских (Новая Гвинея), меланезийских (острова Тихого океана) языках, носители которых длительное время находились на чрезвычайно низком уровне общественного и культурного развития, употребительны «наряду со множественным числом в собственном смысле слова или без него формы двойственного, тройственного. Даже того, что следовало бы назвать четверным числом» (Леви-Брюль 1980,105)

Реальная мотивированность грамматической категории числа с точки зрения количественных отношений действительности очевидна: грамматическое число отражает «количество как сторону, свойство материи. Действительная противопоставленность единицы множеству одноименных единиц,

образующих дискретный, прерывный ряд (ор.: *стол* — *столы*, *ученик* — *ученики* и т. и.) составляет внутреннее содержание грамматической категории числа, определяет ее природу и сущность.

Число имен существительных является не словообразовательной, как считал Ф. Ф. Фортунатов, а вслед за ним и П. С. Кузнецов Г» не лексико-грамматической, как утверждал В. В. Виноградов а собственно грамматической, словоизменительной категорией, выявляемой парадигматически — в соотношении и противопоставленности форм единственного и множественного числа, не нарушающей лексического тождества слова. Универсальность категории числа, т. е. то, что значения числа получают все имена существительные, свидетельствует о ее грамматичности. На формально-грамматический характер числа указывает также тот факт, что однотипное предметно-логическое содержание в разных языках может быть выражено я часто выражается по-разному: в одном языке формой единственного, а в другом—формой множественного числа. Так, например, в русском языке вещественные понятия типа «лен», «горох», «ячмень», «рожь» 14обозначаются именами *singularia tantum*, а в литовском языке лексикализованными формами множественного числа. Это вовсе не свидетельствует о том, что литовцы мыслят эти вещества не так, как русские.

В чешском и словацком языках собирательные понятия типа *черника*, *малина* и т. п. выражаются формами множественного числа, лексически обособленного от единственного, в котором соответствующие слова имеют специальное (ботаническое) значение. Ср. чеш. *malina* «малина» (бот.) и мн. ч. *maliny* «малийна» (ягоды). Собственно грамматическое значение имеют формы множественного числа имен *pluralia tantum*, если они полностью утратили смысловую связь с формами единственного числа. Так, употребляя в речи слово *сливки* во мн. ч., мы вовсе не мыслим обозначаемое им вещество состоящим из каких-либо считаемых частиц, т. е. расчленено на составляющие элементы. Так же лишены оснований утверждения, будто для

современного языкового сознания предметы, обозначаемые словами *сани, тиски, ножницы* и т. п., представляются расчлененными, состоящими из частей. Эта особенность (Предметов может иметь значение для первоначального их названия и связана с этимологией формы, но не с современным словоупотреблением. Этимологический анализ (позволяет утверждать, что причиной образования имен *pluralia tantum* является осмысление множества предметов в качестве цельного нового, предмета. Например, слав. *коло* «колесо» во мн. ч. *кола* получило значение «повозка» которому предшествовало значение «колеса»; мн. ч. *Зразы* в русский язык пришло из (польского, в котором оно этимологически родственно глаголу *zrazić* «отрезать», «сбить» (ср. рус. *сразить*) и образовано путем лексикализации множественного «куски» к единственному *zraz* «кусок».

Путь лексикализации множественного числа — обособления его в новом значении от формы единственного с последующим превращением в новое слово, конечно» не единственный, но весьма продуктивный путь образования имен *pluralia tantum*. В процессе лексикализации форма множественного числа постепенно «эмансипируется» от выражаемого содержания и приобретает формально грамматический характер. Это свойство грамматического числа объясняет его полифункциональность, семантическую емкость и стилистическую выразительность. В случаях, с которыми мы только что познакомились, по выражению А. А. Потебни, «множественное число существительных (с включением местоимений личных) является не значением (обозначаемым), а знаком, средством обозначения других значений, отличных от простой множественности, которая является только исходною, но не конечною точкой мысли» (Потебня 1988, 1). Число как знак, обозначение других значений продуктивно используется в словообразовании и стилистике языка.

В отношении к именам существительным, обозначающим считаемые понятия, категория числа имеет не формальный, а содержательный характер,

так как грамматические значения числа у. ни мотивированы действительными количественными отношениями.

Структуры содержания категории числа в различных языках не одинаковы. Поэтому правомерно говорить о типологии числа. Обычно грамматическое число выражает количественное противопоставление единичности и простой, дискретной множественности единиц (*стол — столы, день'—дни*). Реже в современных языках количественность получает реализацию в оппозиции форм Собирательности формам сингулятивности (единичности). Этот тип категории числа был продуктивен в древних индоевропейских языках. Частным случаем, отличающимся, однако, значительной специфичностью, является собирательная множественность в индонезийском языке. Категория множественности — единственная грамматическая категория имен существительных в индонезийском языке— имеет две формы: форму неопределенной множественности и форму коллективной множественности. Видимо, первую точнее следовало бы назвать формой неопределенного количества, потому что она соотносится как с одним, так и со множеством предметов. Морфологических примет числа эта форма не имеет, но выявляет свое значение в контексте. Так, слово *medja* означает «стол» или «столы», слово *karangan* 15«статья или «статьи (судя по контексту). Количественные значения могут уточняться сочетанием с количественными словами типа «много», «мало». Формы единственного числа отсутствуют, а значение единичности выражается с помощью числительного *satu* «один» или иных лексических средств. Форма коллективной множественности образуется путем повтора и обозначает группу предметов. Например: *medja-medja* «столы», *karangan -karangan* «статьи» и т. д. (Теселькин1961,1119-1120) . В кхмерском языке существительное без показателей или количественных уточнителей обозначает неопределенное количество. Число уточняется в ситуации или контексте с помощью количественных слов при существительном. Множественность выражается «присоединением к существительному специального служебного слова и путем редупликации. В

японском языке показателем множественности является контекст.

Редупликация и аффиксация показательны не для всех существительных. В тайском (государственный язык Таиланда) существительное в исходной форме не имеет определенного значения числа, т. е. обозначает как один, так и множество предметов. Множественность выражается специальными существительными со значением «множество», «масса», реже удвоением. Во вьетнамском языке, который, как и тайский язык, относится к таи китайской группе китайско-тибетских языков, неличные существительные, по свидетельству исследователя Ю. К. Шуцкого, имеют значение некоего «нейтрального» числа, которое, однако, более тяготеет ко множественному, чем к единственному. Единственное число от неличных существительных образуется при помощи специальных суффиксов единичности. От личных имен множественное число образуется при помощи служебных слов тапа «много», «каждый» и т. п. (См б-б том Шуцкий, 1986, 24 примеры заместование из указ. Источника) . В китайском языке имя существительное в исходной форме обозначает общее родовое понятие данного класса предметов, не имеет форм словоизменения и нейтрально в отношении значения числа. Специальную морфологизованную форму числа имеют только названия лиц; Они принимают морфему собирательной множественности *-мэнь*. Форма на *-мэнь* является морфологической формой множественного числа личных существительных. Например: *жэнь* «человек» — *жэньмэнь* «люди», *тунчжи* «товарищ» — *тунчжамэнь* «товарищи» и т. п. Без морфемы множественности исходная форма существительного признаков числа не имеет и единичности не выражает. Количественная определенность обозначаемых предметов выясняется в сочетаниях существительного с количественными словами — указательными местоимениями и числительными, которые, в свою очередь, могут быть оформлены разными морфемами с количественными значениями, счетными словами.

Совершенно очевидно, что в языках корневого (изолирующего) строя категория числа не является столь морфологизованной словоизменительной категорией, как в языках флективного строя. Это соответствует общей типологической черте подобных языков — почти полному отсутствию форм словоизменения. Конечно, если в языке вообще нет формальных, грамматических средств выражения количественности, не приходится говорить о категории грамматического числа. В этом случае число представляет собой тип функционально-семантической, или (понятийной) (в терминологии И. И. Мещанинова) категории квантитивности. Но если конкретно остановиться на указанных здесь языках изолирующего строя, то нужно признать, что в этих языках категория числа имеет свои определённые грамматические черты.

В историческом изменении содержания грамматической категории числа выражается движение мысли от конкретной к абстрактной и обобщенной. Об этом, в частности, свидетельствует история числа в индоевропейских языках. В старшие эпохи развития славянских, германских и балтийских языков, а также в древнеиндийском и древнегреческом структура категории числа была трехчленной, т.е. кроме единственного и множественного числа, включала также и двойственное число. Это соответствовала первоначальному более конкретному осмыслению количества, выделявшему из множества не только единицу, но и пару единиц. Форму двойственного числа принимали имена существительные, называвшие парные предметы типа *глаза, рога, бока* и предметы в количестве двух. Ср. др.-русск.: *дъвастола, дъварыбь, дъва гости* и т.п. в одних языках незначительные (в русском — это двойственные по происхождению, но переосмысленные, трансформированные формы типа *два стола*, где форма *стола* совпала с формой родительного падежа, или *бока, рога, берега*, понимаемые теперь как формы мн.ч.), в других — более значительные. Так, двойственное число частично сохранилось в диалектах литовского языка как реликт древнего строя. Конечно, в диалектном

литовском она не создает неудобства в выражении отвлеченного понятия множества, т.е. не возвращает мысль к более древним и более конкретным представлениям количества. Утрата двойственного числа в современных языках отражает процесс обобщения и абстрагирования количественных представлений. Сохранение форм двойственного числа как пережиточное, реликтовое явление означает лишь сложный характер исторического движения языковой системы, которое не повторяет развития вербального мышления, не соответствует ему прямолинейно и однозначно, несмотря на единство, генетическую связь и взаимодействие языковых и мыслительных категорий.

2.4. КАТЕГОРИЯ ВИДА, ВРЕМЕНИ, ЗАЛОГА И НАКЛОНЕНИЯ

Предикативными называются категории, сопутствующие глагольности, типичные для глагола как части речи: вид, время, залог, наклонение, лицо.

Категория вида характеризует действие глагола в плане его становления и совершения. В славянских языках, где категория вида представлена образцово, она образуется противопоставлением грамматических значений совершенности (перфективности) - несовершенности (имперфективности) действия. В грамматическом значении совершенного вида обобщены и грамматизованы различные типы деривативных (словообразовательных) и лексико- тематических значений: начала или окончания, внезапного прекращения, точности, недлительности, завершенности и результативности, словом, той или иной ограниченности, предельности, непротяженности в протекании действия, а также его цельности. Однако значения способов действия не являются частными видовыми значениями, семантическими составляющими совершенности или ее подвидами. Грамматическая совершенность, равно как и несовершенность, есть обобщение и отвлечение от этих неграмматических значений как качественно иное, собственно грамматическое (т.е. не лексическое, не словообразовательное) значение. Грамматический вид не тождествен способам действия. Инвариантным значением грамматической совершенности является значение

Предельности. Предельность понимается не как стремление действия к завершенности (это значение может быть выражено глаголом как совершенного, так и несовершенного видов ср.: выхожу-вышел, но как локально-временная (конечная, начальная, внутренняя и т.п.) граница, предел действия. Важным моментом содержания совершенного вида является значение цельности действия. Негативными характеристиками совершенности являются значения непротекания действия, выражаемого глаголом совершенного вида.

Несовершенный вид представляет грамматическое значение несовершенности действия. Частными значениями грамматической несовершенности, кратности, вообще неограниченности, процессности действия: Процессность (временная перспектива), повторяемость, неопределенность – семантические характеристики несовершенности.

Несовершенный вид противопоставлен совершенному как негативный, немаркированный, отрицательный член видовой оппозиции. Значение несовершенности является фоном для грамматического значения совершенного вида – предельности действия: «Несовершенный вид, обозначая «неквалифицированное действие –состояние» (Шахматов), является основой, нейтральной базой видового соотношения». Совершенный вид «всегда сигнализирует наличие значения предельности и потому является семантически «отмеченным». Семантическое качество глагола несов. Вида по сравнению с глаголом сов. Вида является менее определенным, менее ярко выраженным, поскольку такой глагол может не содержать указания на то, доведено ли действие до предела или нет. Именно поэтому возможно употребление одного и того же глагола несов. Вида для обозначения действия безотносительно к пределу, напр.: Вы еще не писали ей? И Ребенок учится писать. Поэтому глагол несов. Вида можно считать семантически «неотмеченным». Таким образом, в составе видовой оппозиции форма совершенного вида является сильной и позитивной, а форма несовершенного вида – слабой и негативной. Содержание категории вида легко осознается при сравнении фактов языков, обладающих и не обладающих категорией вида. Например, немецкий глагол *beschreiben*, не различающий грамматических значений вида, переводится на русский язык двояко (в зависимости от контекста): «описать» и «описывать». Так же и в польском языке этому глаголу соответствуют две видовых формы: сов. в. *opisać* «описать» и несов. в. *opisywać* «описывать». Латинский глагол *describere* сам по себе не различает значений совершенности – предельности и длительности – процессности действия в славянских языках различаются специальными грамматическими формами глагола, тогда как в формах латинского или немецкого глаголов эти значения в самом глаголе не выражаются. Видовая характеристика действия осуществляется здесь контекстно, ситуативно, описательно.

Категория вида охватывает все глаголы языка, которому вообще она свойственна. Видовые глаголы подразделяются на глаголы, имеющие оппозиции значений вида, и глаголы подразделяются на глаголы, имеющие оппозиции значений вида, и глаголы, не образующие видовых корреляций. Формы видовой *оппозиции* не нарушают лексического тождества глагола, иначе говоря, трансформация формы совершенного вида в форму несовершенного, (и м п е р ф е к т и в а ц и я) или формы несовершенного – в форму совершенного (п е р ф е к т и в а ц и я) не изменяет лексического значения слова. Это важно учитывать для выявления оппозиций глаголов по виду, или грамматических форм вида. Так, например, в русском языке от глагола несовершенного вида переписать, однако эти глаголы не будут

составлять видовой пары, грамматической оппозиции по виду, так как они имеют разные лексические значения. Видовое различие здесь возникло вместе с изменением лексического значения производного глагола. Напротив, глаголы читать – прочитать, делать – сделать, толкать – толкнуть, лексически тождественные, составляют видовые пары. Показательно, что от глагола переписать можно образовать далее форму несовершенного вида переписывать. Это объективно свидетельствует о том, что глагол переписать не входит в видовой ряд с глаголом писать, но образует грамматическую пару с формой несовершенного вида переписывать. Именно таким способом в определенных случаях можно контролировать видовое грамматическое отношение глагола. Вместе с тем значительная часть глаголов совершенного вида, образованных от основ несовершенного, отличается своими лексическими значениями от производящих глаголов и не образует по отношению к ним видовой грамматической формы. Ср.: *писать* – *переписать*, *подписать*, *вписать* и т. д. Поэтому, хотя в результате присоединения к глагольной основе префикса или суффикса и может быть, как правило, получено новое видовое значение, сам этот процесс нельзя назвать процессом видовой формообразования. Перемена вида здесь обусловлена процессом словообразования, изменением лексического значения глагола.

Вид – не словоизменяемая, а классифицирующая категория, подобная категории рода имен существительных. Каждый глагол имеет значение вида так же, как каждое существительное относится к тому или иному роду. Существительные не изменяются по родам. Глаголы не изменяются по видам. Поэтому значительная часть глаголов имеет значение или только совершенного (перфективы), или только несовершенного (имперфективы) вида. Прибавление префикса, изменяющее видовое значение глагол. Поэтому видовые префиксы не являются, по – видимому, формообразующими префиксами, а имеют деривативное назначение в качестве своей первичной и важнейшей функции, по отношению к которой образование нового видового значения является следствием словообразования. Следует, однако, иметь в виду, что развитие грамматической категории вида привело к асемантизации, «выветриванию» приставок в ряде глаголов и вызвало появление собственно видовых грамматических префиксов – морфологических показателей видов. Так, приставки, выражающие окончание и результативность действия, не изменяют лексических значений глаголов и противопоставляют производный глагол совершенного вида и производящий глагол несовершенного вида как грамматические формы одного и того же глагола.

Ср.: *делать* – *сделать*, *писать* – *написать* и т. п. Ср. польск: *pisac* «писать»-*napisac* «написать», *czytac* «читать» - *prezeczytac* «прочитать». С помощью суффикса –ну- в славянских языках можно образовать формы совершенного вида в значении однократного, мгновенного действия: *кричать* – *крикнуть*, *толкать* – *толкнуть* и т. п. Присоединение к основам совершенного вида суффиксов –а-, -ва-, -ива- (-ыва-) дает формы

несовершенного вида. Не означает ли это, что категория вида является словоизменительной категорией? Думаем, что не означает. Дело в том, что приставка или суффикс, изменяющие видовое значение глагола, присоединяются к основе глагола не для того, чтобы выразить новое видовое значение как таковое, а для того, чтобы выразить то или иное значение способа действия. При этом изменяется и грамматическое значение вида. Так, присоединяя приставку *с* – к глаголу *делать*, мы не ставим задачу образовать глагол совершенного вида, а выражаем значение законченности действия. Так же присоединением суффиксов *-а-*, *-ав-*, *-ива-* (*-ыва-*) выражается значение протяженности, процессности (*решить* - *решать*), кратности (*списать* – *списывать*). Функция изменения грамматического вида является не является не целью, а следствием изменения способа действия. Это объясняет, почему прибавление приставки вместе с изменением значения вида изменяет и лексическое значение глагола. Этим же объясняется наличие двувидовых глаголов типа *организовать*, *атаковать*, *велеть* и т. п., а также то что значение вида может и не получать соответствующего выражения с помощью аффикса. Все глаголы, как отмечалось, имеют видовое значение независимо от морфемной.

Сущность грамматического времени – соотношение действия глагола с моментом речи или другим ориентиром времени, опирающееся на специальные формальные средства языкового выражения. Категория времени – словоизменительная категория глагола, обнаруживающая себя в парадигматических противопоставлениях грамматических временных значений и выражающих эти значения специальных глагольных форм.

Момент речи признается большинством лингвистов центром системы времен и основным принципом организации категории времени в целом. Однако необходимо различать внеязыковой, действительный, и языковой, грамматически моменты речи. Второй является отражением первого: внеязыковой момент речи – элемент объективного времени, грамматически момент речи – элемент системы языка. Поскольку система грамматических значений времени определяется организацией. Самого языка, постольку говорящий не волен в подборе форм времени в каждом конкретном речевом акте. Поэтому, хотя момент речи устанавливается говорящим, тем не менее он объективен², так как объективирован самой системой языка.

Грамматическое значение времени соотносительно с действительным, фактическим временем как его отражение. Между грамматическим и реальным временем, как и вообще между языковой структурой и отражением действительности в нашем сознании, нет прямолинейного и однозначного соответствия. Возникшее под влиянием отражения действительного времени в сознании, грамматическое время определенным образом преобразовано в соответствии с особенностями глагольной микросистемы, наличными средствами выражения и расчленения значений. Собственно лингвистический, системно – языковой характер грамматического времени, проявляется в том, что грамматическое значение

времени не всегда совпадает с фактическим временем события. Так, форма настоящего времени может обозначать события прошлого (*Иду вчера вечером по бульвару, а навстречу мне страшный бульдог*) или будущего (*Завтра идем на рыбалку*). Форма будущего времени принимает значение прошедшего (*Сначала пес давал себя гладить, а потом вдруг как хватит за руку*). Форма прошедшего времени – в значении будущего (*Не подготовлюсь к семинару – завтра пропал я*) и т. п. Такое переносное использование грамматических форм времени в речи называется транспозицией временных грамматических значений. Транспозитивность временных значений подчеркивает специфически языковой, системный характер грамматического времени. [См.: Холдович, 1980, 86 – 90].

По смыслу в контексте различаются актуальные и неактуальные значения форм времени. Настоящее актуальное обозначает действие, протекающее в момент речи и актуальное именно для момента речи. Оно может начаться до момента речи и продолжаться после него, но важно в нем то, что оно совершается именно в момент речи. Настоящее неактуальное – это время, не актуализованное для момента речи, хотя и совпадающее с ним. Таковы, например, абстрактное настоящее нелокализованного во времени действия (*Он часто рассказывает эту историю*), настоящее типа кусается, бодается или типа пишет (в смысле: способен писать) и т. п. Актуальным прошедшим можно считать перфект, обозначающий актуальное для настоящего состояние как результат совершенного в прошлом действия. Актуальным будущим является действие, готовое совершиться в момент речи, предугаданное, предвосхищенное, антиципированное в момент речи. Например: *Ну, я пойду – Я иду* (т. е. готов совершить действие) или пример – предупреждение: *Укусит!* (сейчас, готова укусить).

Категория залога образуют грамматически выраженные в самом глаголе и в характере связи с ним именных форм значения, характеризующие соотношение реальной связи: действующее лицо (agens) – действие - объект (patiens) и грамматической связи: синтаксический предикат – синтаксический объект.

В современных германских и романских языках залог представлен бинарным противополжением грамматически выраженных в глаголе-сказуемом действительного (активного) и страдательного (пассивного) залоговых значений. Ср. Преведенное выше предложение в переводе: англ. *The students are building the poultry farm. The poultry farm is being built by the students*; франц.: *Les étudiants construisent la ferme à volaille – La ferme à volaille est construite par les étudiants*; нем. *Die Studenten bauen eine Geflügelfarm wird von den Studenten gebaut*.

Из определения категории залога как значения соотношения реальной и грамматической связи действия с субъектом и объектом следовало, казалось бы, заключить, что залог проявляет себя только в предложении и является сугубо синтаксической категорией. Однако это не так. Залоговые значения выражаются морфологическими формами (как синтетическими, так

и аналитическими) и, следовательно, образуют парадигмы. Они извлекаются из предложения, хотя конечно, тесно связаны с его структурой.

Поскольку не все глаголы того или иного языка способны выразят грамматическую направленность связи, правомерно заключить, что не все глаголы и обладают грамматической категории выражают субъектно-объектные отношения грамматическим способом и образуют соотносительные залоговые грамматические формы.

Сильным, маркированным, членом залоговой оппозиции являясь форма страдательного (пассивного) залога, которая содержит специальный показатель пассивного значения. Действительная (активная) форма глагола не содержит специального показателя залогового значения и, следовательно, является слабым членом оппозиции.

Вопрос об отношении категории переходности и категории залога, хотя он и касается понимания самой сущности залога, остается дискуссионным. Многочисленные и разнообразные концепции залоговости согласны в том, что категории переходности и залога – взаимодействующие, взаимосвязанные, но различные категории глагола. Различная в концепциях лингвистов касаются соотношения и связи этих категорий. Так, ряд ученых поддерживает сложившуюся преимущественно на материале западноевропейских языков точку зрения, согласно которой залоговые значения различают только переходные глаголы, так как только они выражают субъектно-объектные отношения. Действительно, противопоставление действительного и страдательного залогов, образующее парадигму форм, свойственно только переходным глаголам. Иначе говоря, в сфере переходных глаголов залог имеет характер морфологической словоизменительной категории. Именно на грамматической выраженности этого соотношения основано разграничение действительного и страдательного залогов. Дело в том, что и действительной, и страдательной форме глагола соответствует один и тот же тип действительного отношения. Как бы мы ни сказали: *Рабочие строят дом или Дом строится рабочими*, строителями остаются рабочие, а объектом – дом.

Противопоставление действительного и страдательного значений не исчерпывает всего содержания категория залога. Если это противопоставление основано на соотношении действительной и грамматической направленности связей то для других залоговых значений первостепенное значение имеет собственно языковых специальное выражение в форме глагола полупассива: а) действие направлено не на внешний объект замыкается в субъекте, субъект и объект действия совпадают в одном лице; б) субъект попускает объект к действию, реальный объект становится потенциальным субъектом действия и.д.

Особый тип указанных в определении залога отношений представляют случаи, когда объектом действия становится его субъект. Ср.: *Мать умывает ребенка и Ребенок умывается*. Возвратная форма глагола обозначает обращенность действия к самому субъекту или заинтересованность его в действии, словом, причастность к нему, сосредоточенность в нем. Категория

залога находится в определенном отношении к возвратности. Но последняя не растворяется в залоге и образует комплекс собственных словообразовательных, лексико-грамматических типов. Так, в современном русском языке формы возвратности выражают следующие типы общих значений: 1) соотнесенно-возвратное (*одеваться, чиститься*); 2) общевозвратное (*действию замыкается в субъекте как его внутреннее состояние: бояться, огорчаться, радоваться*); 3) взаимно-возвратное (*драться, бороться, целоваться*); 4) косвенно-возвратное (*действие совершается субъектом для себя, в своих интересах: строиться, запасаться, укладываться*); 5) активно-безобъектное (действие как постоянное свойство, отличительное качества субъекта: кусаться, бодаться); 6) пассивно-возвратное (*не спится, хочется и. т.п.*). присоединение возвратной частицы *-ся/-сь* к глагольной форме преобразует переходный глагол в возвратный и, следовательно, непереходный, поскольку частица *-ся* снимает позицию прямого дополнения. Однако возвратные формы не однородны с непереходными формами так называемого среднего залога типа сплю, иду и т.п. Возвратные формы, имеющие соотносительные невозвратные переходные формы, т. е. образующие оппозиции по значению возвратности, характеризуют такой тип субъектно-объектных отношений, когда субъект является вместе с тем и объектом действия. Эти формы и образуют возвратный залог. Но семантическое поле возвратности шире значения возвратного залога, так как в нем помешаются и все прочие, различные по значениям возвратные формы. Таким образом, залоговость и возвратность – соотносительные, но не тождественные категории глагола.

Залог также связан и с категорией каузативности – побудительности или, как еще говорят, понудительности к действию. Каузативность в разноструктурных языках получает специальное выражение в так называемых каузативных конструкциях и формах.

Модальность является семантической основой категории наклонения. Наклонение глагола есть выраженное в глагольных формах отношение действия к действительности.

Поскольку объективная модальность выражается в любом предложении как неперемный момент предикативности, она в первую очередь становится семантической базой глагольного наклонения. Система грамматических значений категории наклонения в любом языке организуется вокруг действительного, или изъявительного, наклонения. Изъявительное наклонение выражает действительность, реальность, фактичность действия глагола. Значение изъявительности выявляется тем, что действие совершается в одном из временных планов. Это значение вполне объективно. Изъявительное наклонения (индикатив) является исходной формой системы наклонения.

Реальности действия противостоят различные ирреальные значения: возможность-невозможность, желаемость, предположительность, обусловленность и т.п. Ирреальное – значит не существующее в действительности, но или возможное в определенных условиях, или вообще

невозможное, неосуществимое действие. Типами объективно-ирреальных наклонений являются сослагательное (условно-желательное, конъюнктив) и условное наклонения. Сослагательное наклонение обозначает возможность действия при определенных условиях. Глагол в сослагательном наклонении выражает действие, которое могло бы совершиться, но в действительности не совершилось (нереализованная возможность). Ср.: пришел бы, сказала б и т.п. Формы сослагательного наклонения принимают глаголы в индоевропейских, ряде тюркских, тунгусо – маньчжурских, чукотско – камчатских, эскимоско – алеутских, адыгских языках.

Условное наклонение выражает условие. Форму условного наклонения принимает глагол придаточного предложения, если обозначаемое им действие является условием совершения действия, выраженного глаголом в главном предложении. Формы условного наклонения широко представлены в тюркских и адыгских языках. Тюркская форма настоящего-будущего условного наклонения образуется с помощью суффикса –са/ –се/ и личных аффиксов: туркмен. ал-са «если он возьмет» (3-е лицо – без личного показателя в глаголе); гагаузск. ак-са-м «если я возьму» (-са – суффикс условия, -м- личный суффикс принадлежности); казахск. ал-са –к_с «если мы возьмем».

Косвенные наклонения могут отражать не только типы объективной модальности (реальности- ирреальности действия), но и различные оценки достоверности его говорящим. В этом случае изъявительному наклонению противостоят проблематическое, или предположительное, и категорическое наклонения. Последние выделены исследователем В. З. Панфиловым в нивхском языке. Например: Ытыкпалрохвид'уврйа/ало – «Отец, может быть, пойдет в лес»; вид'уврйа/ало – форма проблематического наклонения. Она расчленима на вид'- глагол в изъявительном наклонении, увр – частицу и йа/ало – служебное слово проблематического наклонения; Ытыкпалрохвиуитлэ «Отец, конечно, пойдет в лес» (суффикс – уитлэ – показатель категорического наклонения)¹. Предположительное наклонение есть в адыгских языках. В адыгейском, например, оно образуется от основ настоящего, будущего и прошедшего времен. Суффиксы предположительного наклонения –н, -шьт, шьты-н и т.д. восходят к суффиксам будущего времени. Например: кӀуэгъэ-н; кӀуэгъэ-шьт; кӀуэгъэ-шьты-н «Он, наверное, пошел» [См. : Панфилов, 1991, 187].

Наклонение – словоизменительная категория глагола. Генетически и функционально она связана с категорией времени². Опираясь на личные формы, категории времени и наклонения образуют систему спряжения глагола. Центром этой системы является изъявительное наклонение. Глагол в изъявительном наклонении характеризуется наиболее полной – комплектной - парадигмой форм времени. В некоторых языках, как, например, эскимосском, изъявительное наклонение имеет собственный формально – грамматический показатель, но в большинстве языков оно не имеет специальных положительных показателей и обнаруживает себя в том, что подает действие в одном из временных планов. Глагол в изъявительном

наклонении принимает любую из свойственных глаголу данного языка форм времени. Косвенные наклонения могут быть как временными, так и вневременными. Так, в русском языке сослагательное наклонение не имеет значений времени. В немецком, напротив, конъюнктив образует систему форм как модального, так и временного планов. Конъюнктив, как и индикатив, имеет презентные и претеритальные временные значения и формы. Условное значение, как показывают факты тюркских языков, также может быть подано в том или ином временном плане. Значения реализующие субъективную модальность, также могут иметь временные характеристики. Повелительное наклонение является последовательно вневременной категорией.

Отношение действия «глагола к субъекту (действующему лицу, агенту действия) выражается личными формами образующими парадигмы личного спряжения глагола. В личной парадигме противопоставляются формы, обозначающие субъект действия 1-го лица, т. е. самого говорящего, субъект действия 2-го лица — непосредственного собеседника и субъект действия

3-лица— лицо или предмет, о которых идет речь

Для индоевропейских и тюркских языков характерно изменение глагола по лицам только субъекта действия Это значит что и Переходные и непереходные глаголы

В –своих личных формах убывают только на лицо субъекта. Типично субъектным например, является спряжение глагола в русском языке

В иносруктурных языках личные формы глагола могут включать, «кроме показателя лица -субъекта, также и «показатель лица объекта, если он предполагается значением глагола Опряжение глагола по лицам субъекта и объекта действия называется субъектно-объектным. В палеоазиатских, самодийских некоторых угро-финских и иберийско-кавказских языках непереходные глаголы спрягаются по субъектному, а переходные — по субъектно-объектному спряжению. Ср.: эскимоссагляг'аглягаун'а «Я иду» (субъектное спряжение: суффикс -н'а показатель 1-го лица субъекта) и аглятак'а-м-кын «Я веду тебя» (субъектно- объектное спряжение, суффикс -м- — показатель 1 лица субъекта, суффикс -кын—показатель 2-го лица объекта) см: меновщиков .1989.106

В адыгских языках глаголы спрягаются также по двум спряжениям: (субъектному и субъектно-объектному. Особенность состоит в том, что формы субъектно-объектного спряжения могут быть в зависимости от количества объектов полиперсональными, или многоличными. В многоличных формах глагола выражаются лица субъекта и объектов действия — прямого и косвенных Например, адыгейск. у-йэ-с-тыгъ «Я тебя отдал ему» (лицо прямого объекта выражает префикс у-, лицо косвенного объекта- префикс йэ-, лицо субъекта — префикс -с-); кабард с-а-д-йэ- жъащъ «Я с ним ждал его» (лицо субъекта — ирефякс с- лицо 1-го косвенного объекта — префикс а-, лицо 2- косвенною объекта — префикс йэ-) и т. См: Будагов.1965.328.330

Значение лица связывает форму сказуемого с подлежащим.

Поэтому категория лица выражается не только в глаголе, но и в других словах, занимающих позицию сказуемого. Так, по свидетельству исследователя Е. А. Крейновича, в кетском языке «в позиции сказуемого лично – предикативными показателями оформляются инфинитивы, прилагательные, наречия места, имена существительные в местном падеже и местоимения в том же падеже»¹. Вместе с тем в ряде языков личное спряжение глаголов отсутствует. Так, в датестанских языках глаголы изменяются не по лицам, а по классам (за исключением табасаранского, даргинского, лакского и удинского языков), образуя классное спряжение. В арчинском языке, например, классный показатель в глаголе непереходного значения указывает на подлежащее, а в переходном – на прямое дополнение.

Если лицо обозначается местоимением, то выражение значения лица в форме глагола не является необходимым. Грамматическая категория лица отсутствует в китайского – тибетских языках – китайском, дунганском, вьетнамском, бирманском и т.д.

Глава 3. Субстантивные и предикативные категории в узбекском и английском языках

3.1. Субстантивные категории рода, числа и падежа имен существительных.

Имя существительное в узбекском языке обозначает предмет, не имеет формальных показателей, которые отличали бы его от других именных частей речи. Другая отличительная особенность узбекских имен существительных состоит в том, что они не имеют родовых окончаний. Грамматической категории рода в узбекском языке нет, хотя некоторые элементы родовых различий мы находим и в старой лексике, проникшей в узбекский язык из арабского языка, и в лексических заимствованиях из русского и через русский язык, и в собственно узбекских словах, прежде всего в фамилиях женского рода. Ср., например: шоир-поэт, шоира-поэтесса; мудир-заведующий, мудира-заведующая; раккос-танцовщик, раккоса-танцовщица; Олимов-Олимова; Саидов-Саидова и т.п.

В узбекском языке имена существительные могут употребляться (есть исключения) как в единственном (уй-дом, одам-человек, сув-вода), так и в множественном числе (уй-уйлар-дома; одам-одамлар-люди; сув-сувлар-воды). Множественное число имен существительных образуется при помощи аффикса -лар. Аффикс -лар прибавляется как к именам, так и в некоторым другим формам:

а) в сочетании с именами существительными (дафтар – тетрадь, дафтарлар – тетради; ешик – дверь, эшиклар – двери; киз – девушка, кизлар – девушки; калам – карандаш, каламлар – карандаши; хона – комната; хоналар – комнаты; кул – рука, куллар – руки и т.п.);

б) в сочетании с именами прилагательными, которые в результате субстанции переходят в имена существительные: ямон – плохой, ямонлар – плохие; майда – младший, майдалар – младшие; кизил – красный, кизиллар – красные;

в) в сочетании с местоимениями у – он, улар – они; биз – мы, бизлар – мы (все); сиз – вы, сизлар – вы (все);

г) в сочетании с глагольными формами: келинг – приходите, келинглар – приходите (все), кетди – ушел, кетдилар – ушли; у олган – он взял, улар олганлар – они взяли.

В определенных словосочетаниях присоединение аффикса множественного числа –лар не всегда строго соблюдается, в чем и состоит одна из специфических особенностей грамматического строя узбекского языка. Так:

а) аффикс множественного числа –лар может опускаться при сказуемом в 3 лице, когда подлежащее стоит во множественном числе (талабалар келди – учащиеся пришли (букв. «дети пришел») вместо болалар келдилар). В вежливой речи наблюдается обратное явление. Подлежащее становится в единственном числе, а сказуемое – в 3 лице множественного числа (отам келдилар – мой отец пришел (букв. мой отец пришли) вместо отам келди. Но может подлежащее и сказуемое стоять во множественном числе, хотя речь идет об одном лице : отамлар келдилар – пришел мой отец (букв. «пришли мои отцы» - речь идет об одном отце);

б) если множественность легко себе представить без особых пояснений, когда речь идет о членах человеческого тела, то аффикс –лар может опускаться: одамнинг кулида бармок бор – у человека на руках есть пальцы; одам оёги билан юради – человек ходит ногами. В этих примерах видно, что в тексте слово «бармок» и «оёги» не именной формы множественного числа, но оно подразумевается;

в) при перечислении ряда предметов аффикс множественного числа –лар обычно прибавляется к последнему: мен китоб, калам ва дафтарлар олдим – я купил книги, карандаши и тетради; ишчи ва хизматчилар келди – пришли рабочие и служащие;

г) аффикс множественного числа –лар не прибавляется к именам, которым предшествует количественное числительное: уч эшик – три двери (а не «уч эшиклар»), беш одам – пять человек (а не «беш одамлар»);

д) аффикс множественного числа –лар не прибавляется к именам прилагательным и причастиям, которые являются определениями в словосочетаниях: яхши уй – хороший дом, яхши уйлар – хорошие дома.

В узбекском языке имеется одна общая форма склонения. Склонение производится путем прибавления к концу имени падежных аффиксов, обычно без изменения основы слова. Падежей шесть:

Основной падеж – бош келишик;

Притяжательный – караткич келишиги;

Винительный падеж – тушум келишиги;

Дательно-направительный падеж – жуналиш келишиги;

Исходных падеж – чикиш келишиги;

Местный падеж – урин келишиги.

Основной (безаффиксальный падеж) отвечает на вопросы ким?, нима? И может выступать в предложении в качестве подлежащего (студентлар университетга келдилар – студенты пришли в университет); именного сказуемого (менинг отам укитувчи – мой отец учитель); определения (темир йул – железная дорога).

Притяжательный падеж образуется при помощи аффикса –нинг и отвечает на вопросы кимнинг?, ниманинг? и указывает на принадлежность одного предмета другому. Название владельца ставится в притяжательном падеже, а название принадлежащего предмета снабжается притяжательными аффиксами: укамнинг уйи –

дом моего брата, отнинг боши – голова лошади, университетнинг студентлари – студенты университета.

Винительный падеж отвечает на вопросы кимни?, нимани? – кого?, что? и образуется при помощи аффикса –ни. Винительный падеж может быть оформленным и не оформленным.

Оформленный употребляется тогда, когда говорят о предмете известном, уже упоминавшемся, определенном грамматически, о предмете, выделенном из ряда однородных: китобни акам сотиб олди – книгу купил мой брат; в остальных е случаях употребляется винительный неформленный (мен дераза очдим). В первом случае (китобни) указывается определенный предмет, а во втором (дераза) – неопределенный, только род предметов, к которым она относится.

Дательно-направительный падеж отвечает на вопросы кимга?, нимага? каерга? – кому? чему? куда?, а предметом его служат аффиксы –га (-ка,-к,а). Для образования дательно-направительного падежа употребляется аффикс –га (менга, мактабга, укитувчига, Тошкентга). Аффикс –ка прибавляется к словам, оканчивающимся на -к и –г: челакка – в ведро, теракка – на тополь. Аффикс –к,а прибавляется к словам с конечными к, и F: кишлок,к,а – в кишлак, товок,к,а – на блюдо. При прибавлении к словам с конечными г и F аффиксов –ка и –к,а конечное переходит в к, а F в к,: бог – сад, бок,к,а – в сад, тог-гора, ток,к,а – в горы.

Исходный падеж отвечает на вопросы каердан? кимдан? нимадан? качондан? – откуда? от кого? от чего? с какого времени? И образуется при помощи аффикса –дан (уйдан – из дома, уртогимдан – от моего товарища, томдан –с крыши).

Местный падеж отвечает на вопросы кимда? нимада? кайерда? качон? –

в ком? в чем? где? когда? и т.п. и образуется при помощи аффикса –да (в живой речи после глухих согласных -та): уйда – дома, в доме; столда – в столе; кучада – на улице; ёзда – летом.

III.2. Предикативные категории времени, залога, наклонения глагола.

Морфологическую категорию времени образуют настоящее время, прошедшее время и будущее время.

В узбекском языке систему категории настоящего времени образуют настояще-будущее время и несколько форм прогрессива.

Настоящее будущее время образуется от производной основы и личных аффиксов типа –ман, (ишлайман – работаю), -сан (ишлайсан – работаешь), -ди (ишлайди), -миз (ишлаймиз), -сиз (ишлайсиз), -дилар (ишлайдилар).

В узбекском языке имеются пять форм прогрессива для передачи действий, совершающихся в момент речи.

Первая форма прогрессива образуется от основы глагола путем прибавления к ней формата (аффикса) –яп и личных аффиксов типа –ман (ишляяпман), -сан (ишляяпсан), -ти (ишляяпти), -миз (ишляяпмиз), -сиз (ишляяпсиз), -тилар (ишляяптилар).

Вторая форма прогрессива образуется от деепричастия настоящего времени путем прибавления приметы (аффикса) –ётир и личных аффиксов –ман (ишлаётирман), -сан (ишлаётирсан), -миз (ишлаётармиз), -сиз (ишлаётирсиз), -лар (ишлаётирлар).

Третья форма прогрессива образуется от корня глаголов состояния, ставится в деепричастии прошедшего времени и прибавляются личные аффиксы –ман (утирибман), -сан (утирибсан), -ди (утирибди), -миз (утирибмиз), -сиз (утирибсиз), -дилар (утирибдилар).

Четвертая форма прогрессива образуется при помощи глаголов состояния от других глаголов. Берется основной глагол в деепричастии прошедшего времени (для положительной формы) или в деепричастии настоящего времени (для отрицательной формы) и один из глаголов состояния в форме настоящего времени данного момента. Изменяются глаголы состояния, а основной остается без изменения в деепричастной форме: укиб турибман – я читаю в данный момент, укиб турибсан – ты читаешь; курмай турибман – я не вижу (в данный момент), курмай турибсан – ты не видишь.

Пятая форма прогрессива образуется от глагола в деепричастии настоящего времени, вспомогательный глагол ётмок в деепричастии прошедшего времени –ётиб и личные окончания –ман (ишлаётибман), -сан (ишлаётибсан), -ди (ишлаётибди), -миз (ишлаётибмиз), -сиз (ишлаётибсиз), -дилар (ишлаётибдилар).

В узбекском языке есть несколько форм прошедшего времени, которые можно разбить на две группы:

- а) формы прошедшего определенного;
- б) формы прошедшего повествовательного.

К форме прошедшего определенного относятся две формы прошедшего времени. Одни из них можно назвать собственно – прошедшим определенным, а другую прошедшим определенным с оттенком совершения действия в более отдаленном прошлом.

Первое прошедшее определенное образуется от основы глагола путем прибавления к ней приметы -ди и личных аффиксов типа –м (ишладим, ишламадим), -нг (инладинг, ишламадинг), -нгиз (ишладингиз, ишламадингиз), -лар (ишадилар, ишламадилар).

Второе прошедшее определенное образуется от причастия прошедшего времени путем прибавления личных аффиксов типа –ман(ишлаганман, ишламаганман), -сан (ишлагансан, ишламагансан), -сиз (ишлагансиз, ишламагансиз), -лар (ишлаганлар, ишламаганлар).

Второе прошедшее определенное имеет три отрицательной формы. Первая образуется при помощи аффикса –ма (ишламаган); вторая путем постановки отрицания эмас и личными аффиксами после причастия (ишлаган эмасман, эккан эмассан); третья – путем постановки слова йук после причастия с притяжательными аффиксами (ишлаганим йук, чикканим йук).

Несколько форм образуют формы прошедшего повествовательного. Первая форма прошедшего повествовательного образуется путем сочетания причастия прошедшего времени с недостаточным глаголом эмок в форме прошедшего определенного: ювган эдим, ювмаган эдим; ювган эдинг, ювмаган эдинг; ювган эди, ювмаган эди; ювган эдик, ювмаган эдик; ювганэдингиз, ювмаган эдингиз.

Вторая форма прошедшего повествовательного образуется путем прибавления полных личных аффиксов –манн, -сан, -ди, -миз, -сиз, -дилар к деепричастию прошедшего времени на –б, -иб: ишлабман, ишламабман; ишлабсан, ишламабсан; ишлабди, ишламабди; ишлабмиз, ишламабмиз; ишлабсиз, ишламабсиз; ишлабдилар, ишламабдилар.

Третья форма прошедшего повествовательного образуется путем сочетания деепричастия прошедшего времени с недостаточным глаголом эмок в форме прошедшего определенного (ишлаб эди, ишлаб эдинг, ишлаб эди и т.п.)

Четвертая форма прошедшего повествовательного образуется путем сочетания причастия будущего времени с недостаточным глаголом эмок в форме прошедшего определенного к причастию будущего времени на –р, -ар, -мас: ишлар эдим, ишлармас эдим; ишлар эдинг, ишлармас эдинг и т.д.

В узбекском языке имеется две формы будущего времени: будущее предположительное и будущее определенное.

Будущее предположительное образуется путем прибавления пролных личных аффиксов –ман, -сан, -миз, -сиз, -лар к причастию будущего времени. В 3-м лице единственного числа окончания нет, а в 3-м лице множественного числа прибавляется аффикс –лар. Примеры: ишларман – ишламасман; ишларсан-ишламассан; ишлармиз-ишлармиз; ишларсиз-ишламассиз; ишларлар-ишламаслар.

Будущее определенное образуется путем прибавления к деепричастию настоящего времени аффикса –жак, -ажак и личных аффиксов типа -ман, -сан, -миз, -сиз, лар: ишлаяжакман – ишлаяжакман; ишлаяжаксан – ишлаяжаксан и др.

В узбекском языке глагол имеет три наклонения: изъявительное, повелительное, целевое.

Изъявительное наклонение указывает на отношение глагола к одному из глагольных времен – настоящему, прошедшему и будущему: бола уйнапти, бола уйнади, бола уйнайди.

Повелительное наклонение имеет желательную форму (при обращении к первому лицу единственного и множественного числа), повелительную форму (при обращении ко 2-лицу единственного и множественного числа) и пожелательную форму (при обращении к 3-му лицу единственного и множественного числа).

Желательная форма носит характер обращения к первому лицу, т.е. к самому себе, и не выражает приказания, исходящего от другого лица, а только желание или решение самого субъекта, свободное и решительное намерение совершить действие, вкладываемое в понятие глагола. Желательная форма образуется прибавлением аффиксов –й или –йин для основ с конечным гласным звуком (ишлай, ишлайин), -ай или –айин для основ с конечным согласным звуком. Желательная форма может иметь оттенки опасения (турмайин), колебания (келайми).

Повелительная форма служит для выражения приказа, побуждения к совершению действия, обращенных ко второму лицу единственного или множественного числа. Примеры: бормок-бор-борма; ухламок-ухла-ухлама (повелительная форма выражает категорическое приказание); бормок-боргин; ухламок-ухлагин (повелительной формой выражается усиленная просьба, приказание в смягченной форме); бормок-боринг, ухламок-ухланг (формой выражается вежливое обращение к одному лицу); бормок-борингиз, ухламок-ухлангиз (форма служит как для обращения к одному лицу, так и для обращения к нескольким лицам); бормок-боринглар-борингизлар, ухламок-ухланглар-ухлангизлар (форма, образующая путем прибавления к –нг/-инг, -нгиз/-ингиз аффикса -лар); бормок-борчи-борингчи-борингларчи (повелительная форма с частицей –чи имеет значение ласковой просьбы).

Пожелательная форма служит для выражения пожелания, просьбы, обращения к 3-му лицу и образуется путем прибавления к основе глагола аффикса –син/ -синлар (борсин/борсинлар, усласин-ухласинлар). Пожелательная форма может выражать опасения (у бугун бормасин, ёмгир ёгмасин), согласия и пожелания (бораман деса борсин, ухлайман деса ухласин), колебания, размышления (борсинми, ухласинми).

Условное наклонение может быть настояще-будущего времени и прошедшего времени.

Условное наклонение настояще-будущего времени образуется путем прибавления к основе глагола приметы условной формы –са и личных аффиксов типа -м, -нг, -к, -нгиз, -лар: борсам-борсанг-борсак-борсангиз-борсангизлар; ухласам-ухласанг-ухласак-ухласангиз-ухласангизлар.

Условное наклонение прошедшего времени образуется путем сочетания причастия прошедшего времени от спрягаемого глагола с

условной формой настоящего-будущего времени от вспомогательного глагола булмок: борган булсам – борган булсанг – борган булса.

Условно-сослагательная форма образуется путем сочетания условной формы спрягаемого глагола с недостаточным глаголом эмок. Недостаточный глагол ставится в 3-м лице единственного числа прошедшего определенного времени и никаким изменениям не подвергается, а изменяется основной глагол, стоящий в условной форме настоящего-будущего времени.

Примеры: борсам эди – борсанг эди – борса эди; борсак эди – борсангиз эди-борсаклар эди.

Залог является грамматической категорией, формируемой средствами морфологии и синтаксиса. Залог это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между схематическим субъектом, действием и схематическим объектом. Различия заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, выраженному подлежащим.

В узбекском языке систему залоговой категории образуют действительный залог, страдательный залог, возвратный залог, взаимный залог, понудительный залог.

Действительный залог в узбекском языке не имеет залогообразующих аффиксов.

Страдательный залог образуется путем прибавления к основе глагола аффиксов –л/-ил: укимок-уки-укилмок; бермок-бер-бермок. Как видно из приведенных примеров, -л присоединяется к основам, оканчивающимся на гласный звук, а –ил к основам, оканчивающимся на согласный звук. Страдательный залог может образоваться прибавлением к основе глагола аффиксов –н/-ин, или в основе глагола

имеется уже звук л: сайламок – сайла – сайланмок; килмок-кил-килинмок.

Страдательный залог указывает что предмет подвергается действию другого предмета и образуется в основном, от переходных глаголов: хат ёзилди, пахта терилди.

Возвратный залог, так же как и второй случай образования страдательного залога, образуется путем прибавления к основе глагола аффикса –н/-ин. Порядок присоединения тот же, что и для страдательного залога. Возвратный залог обозначает действие, переходящее на действующий предмет, иными словами, предмет, обозначаемый подлежащим, является в то же время и прямым дополнением: ювмок-юв-ювинмок, ювилмок, ювиламан.

Взаимный залог образуется путем прибавления к основе глагола аффиксов –ш/-иш: сузламок-сузла-сузлашмок; килмок-кил-килишмок -ш присоединяется к основам на гласный звук, -иш – к основам на согласный. Взаимный залог может обозначать действие, взаимно относящееся к двум или нескольким лицам, являющееся в то же время и объектом этих действий (кучоглашмок, упишмок), когда одно из действующих лиц является более активным (уришмок – отам уришди), когда указывается, что действие совершается одновременно несколькими лицами (теришмок- улар пахта теришди).

Понудительный залог употребляется для выражения помощи, позволения, побуждения к совершению действия. Сравните: 1) у узига яхши уй солдирди и 2) у узига яхши уй солди. В первом случае понимается, что он построил себе дом не сам, а при помощи посторонней силы. Во втором – он сам, своими силами построил себе дом.

Понудительный залог образуется при помощи аффиксов –ар (чикмок-чикармок), -дир/-тир (олмок-олдирмок, но келмок-келитрмок),

-газ (курмок-кургазмок), -киз (учмок-учкизмок), -т (терламок-терлатмок), -ир (пишмок-пиширмок).

Заключение

Исследованный материал позволяет констатировать, что в определениях языка акцентируются разные моменты: отношение языка к мышлению, структурная организация языка, важнейшие функции и т.д., что язык – это сложнейшая система, работающая в единстве и взаимосвязи с сознанием и мышлением человека.

Система есть некоторый материал или идеальный объект, состоящий из элементов, неразложимых в пределах данной системы и находящихся в определенных взаимосвязях, или взаимоотношениях. Сложные системы состоят из относительно автономных систем – подсистем, характеризующихся своими элементами.

Элемент системы есть некоторый идеальный или материальный объект, обладающий рядом свойств и находящийся в каких либо отношениях с другими объектами в пределах данной системы. Элемент системы сам по себе может быть достаточно сложным объектом, однако он разложим с точки зрения данной системы. Всякая система есть целостное объединение более простых систем. Сама по себе она есть сложное образование. Отношение, или связь, есть тот или иной вид отношения зависимостей или взаимодействия между элементами. Системы делятся на материальные и идеальные. Материальные системы могут быть двух видов: первичные и вторичные. Идеальные системы производны от первичных материальных систем. Первичные и вторичные материальные системы различаются свойствами своих элементов. Элементы первичных материальных систем значимы для системы самой по себе. Элементы вторичных материальных систем значимы прежде всего в силу того, что они наделены людьми некоторыми свойствами, не присущими им по их субстанциональной природе. Вторичные материальные системы создаются как средство идеальных систем.

Система языка определяется как набор элементов и правил. Этот набор не есть хаотическое скопление элементов именно благодаря наличию правил,

которые мы определили как совокупность возможных в данном языке отношений между элементами языка. Правила как бы накладывают ограничения на возможные отношения элементов, являясь в то же время перечнем или набором между элементами языка.

Каждый элемент или каждая единица языка потенциально может вступать в три вида отношений: парадигматические (или ассоциативные), синтагматические или иерархические.

Парадигматические отношения не характеризуются моментом взаимодействия, поскольку по своему существу они представляют отношения между членами различных групп. Парадигматические отношения можно назвать внутренними отношениями между элементами, составляющими один класс.

Синтагматические отношения как отношения элементов в речевых произведениях могут существовать между элементами одного и того же класса и между элементами разных классов. Первый вид отношений обычно соответствует в грамматике сочинительным отношениям, второй вид обычно соответствует подчинительным, хотя между близкими по свойствам классами возможны сочинительные отношения, а между элементами одного класса подчинительные.

Оба эти два отношения, будучи противопоставлены, в то же время предполагают и обуславливают друг друга. Эти два вида отношений характеризуют язык в разных аспектах: язык как средство вне функционирования – характеризуется прежде всего парадигматическими отношениями между элементами. При таком взгляде на язык синтагматические отношения вступают в качестве нереализованной способности элементов сочетаться между собой в линейных последовательностях.

Между элементами языка существует еще один вид отношений – иерархические отношения. Эти отношения характеризуют отношения между элементами, или вернее, единицами языка по степени их сложности. Эти

отношения лежат вне плоскости синтагматических и парадигматических отношений.

Центральными понятиями грамматики являются грамматическое значение, грамматическая форма и грамматическая категория. Это абстракции, представляющие собой результат отвлечения от свойств множества конкретных грамматических единиц и дальнейшего обобщения этих отвлечений. Грамматическая категория – это совокупность однородных грамматических значений, представленных рядами противопоставленных друг другу грамматических форм. Грамматическая категория в своих связях и отношениях формирует ядро грамматического строя языка.

Грамматическая категория существует как класс значений, объединенных в системе противопоставлений (например, грамматическая категория падежа объединяется единством самого отвлеченного значения отношений). Соотношения грамматической категории и грамматического значения – это отношения общего (грамматической категории) к частному (грамматическому значению). Необходимым признаком грамматической категории является также единство выражения грамматического значения в системе грамматических форм, поэтому каждая грамматическая категория – это сложная структура, объединяющая ряды противопоставленных друг другу форм.

Грамматические категории подразделяются на морфологические и синтаксические. Морфологические грамматические категории выражаются лексико-грамматическими классами слов – знаменательными частями речи (именами существительными, прилагательными, глаголом и и.п.), ср. категории вида, залога, времени, наклонения, принадлежащие глаголу или рода, числа падежа – имени. Среди этих категорий выделяют словоизменительные и классификационные. Морфологические категории словоизменительного типа – это категории, члены которых представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы (ср. в узбекском языке категорию падежа у имени или категорию наклонения у глагола).

Морфологические категории классификационного типа – это категории, члены которых не могут быть представлены формами одного и того же слова (ср. в русском языке категорию рода, одушевленности/неодушевленности существительных). Морфологические категории можно подразделять на субстантивные и предикативные.

В субстантивные грамматические категории входят категории класса, рода, числа и падежа. Категория грамматических классов, являясь классифицирующей категорией характерна многим языкам, например, языкам банту, иберийско-кавказским языкам. Грамматическая категория рода – классифицирующая категория имен существительных в индоевропейских, семитских, дравидских и некоторых американско-индейских языках.

Категории падежа образуют ряды форм склонения, противопоставленных по грамматическому значению отношения. Основу падежной системы образует простейшее бинарное противопоставление форм прямого и косвенного падежей, значения которых в каждом языке многозначны. Категория падежа постоянно изменяется, развивается. Развитие определяется внутренними тенденциями исторического изменения грамматического строя, закономерностями соотношения и взаимодействия элементов языковой системы, типологическими качествами языка и т.д. Поскольку внутренние тенденции движения языковой структуры и характер выражения значений в языках различны и индивидуальны, развитие падежных систем получает свои особенности не только в группах типологически близких и родственных языков, но и в истории отдельного языка. Можно наметить две основные линии исторического развития категории падежа в языках различных типов:

1) сокращение количества падежных значений в результате обобщения и формализации (унификация падежных форм, объединение ряда значений в одной общей форме);

2) увеличение числа падежей за счет развития новых падежных значений.

Грамматическая категория числа образуется двучленным (единственное - множественное) или, реже трехчленным (единственное - двойственное- множественное) противоположениям грамматических значений числа. Однако по свидетельству Леви-Брюко в некоторых языках употреблены формы тройственного или даже того, что следовало бы назвать четверным числом.

Предикативные категории свойственны глаголам. Глагол – это часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица. Морфологические категории глагола различаются по составу охватываемых ими форм. Категория вида и залога присущи всем формам глагола. Остальные морфологические категории глагола присущи лишь определенным классам форм. Категорией наклонения обладают все спрягаемые формы, но она не свойственна формам инфинитива, причастий и деепричастий: категория времени присуща лишь формам изъявительного наклонения, но отсутствует в формах сослагательного и повелительного наклонений. Категория лица свойственна формам изъявительного наклонения (кроме форм прошедшего времени) и формам повелительного наклонения. Не обладают категорией лица формы сослагательного наклонения, инфинитива, причастий и деепричастий.

Список использованной литературы

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколении-щснова прогресса Узбекистана (роль Президента Ислама Каримова на 9-сессии олий мажлиса Республики Узбекистан. 29.августа 1997, -Ташкент, с 12.
2. Каримов И.А.Юксак маънавият енгилмас куч
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. -м;1966, 606 с
Балли Ш. Общая лингвистика и французского языка, -м; 1955, 340 с
Блауберг И.В., Юдин.э.Г. Филосовские проблемы исследования систем и структур // вопросы философии. 1970. №5, 8 с
4. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст, -л; наука, 1971, 122с
5. Будагов Р.А. Введение в науку о языке, -м; просвищение, 1965, 491 с
Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // исследования по общей теории грамматики, -м; Наука, 1968. 14 с
6. Вандриес Ж. Язык (Лингвистическое введение в историю), -м; 1957, 352с
7. Вендина Т.И. Ввдение в языкознание, -м Высшая школа, 2002. 288 с
Виноградов В.В. Русский язык (грамматические учение о слове), -м; Высшая школа, 1972, 613 с
8. Головин Б.Н. К вопросу о сущности грамматической категории ВЯЛ 955, №1. Юс
9. Головин Б.Н. Введение в языкознание, -м; Высшая школа 1966 Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм //Исследование по общей теории грамматики, -м; Наука 1968. 16 с
10. Гумбольдт фон В. О различии строение человеческих языков его влияние на духовное развитие человечества //В. Фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию.-м; 1984. с 68-69
11. Данеш Ф.Р, Гаузенбласк. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств //Еденицы

- разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, -м;
1969. с 13
12. Евдошенко А.П. Проблемы структуры языка. -Кишенёв, 1967. с 9
 13. Ельмслёв Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. -м;1960. с 283
 14. Филосовский словарь. -М. 1968,804 с Изур Г.С. О некоторых общих категориях лингвистики // Вопросы общего языкознания, -м; 1964. 16с
 - 15.Ильиш Б. А. История английского языка-М: Изд-во лит.на иностр.Яз.1958.68с
 - 16.Исаченко А. В. О грамматическом значении. В.Я. 1961. №1 Исаченко А.В. Бинарность; привативные оппозиции и грамматическое значение. В.Я. 1963. №2. 12с
 - 17.Кацнельсон С.Д. О понятие уровня в современном языкознании, //Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке, -м., 1962;с.37
 - 18.Канецельсоне С.Д. типология языка и речевое мышление. Л: «Наука» 1972. 175с
 - 19.Коротков Н.Н и Панфилов В.З. О типологии грамматических категорий. ВЯ, 1965, №1. 14с
 - 20.Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. Изд-во Московского ун-та, 1961, 80с
 - 21.Курилович Е. Проблема классификации подлежащих. Очерки по лингвистике, -м; 1962.
 - 22.Леви-Брюль. Первобытное мышление. Перевод с франц. -м: Атеист. 1960
 - 23.Ломств Т.П. Отношение порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов// Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, -м. 1962. 20с Лопатин В.В , Улуханов И.С. К соотношению единиц словообразованию и марфонологии. -м,1986, 62с

24. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке// Вопросы грамматики болгарского литературного языка, -м. Изд-во АН СССР, 1959, 18с
25. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, -м; Соцекгиз, 1938, 302с
26. Моисеев А.И. О грамматической категории, //Вестник Ленинградского университета, 1956, № 2,15с
27. Мячина.Е.Н. Очерк грамматики языка «Суахили-русский словарь » М,ГИС, 1961,702с
28. Мельников Г.П. Азбука математической логики, -м; 1967. 102с
29. Мельников Г.П. Системная лингвистика и её отношение к структурной//Проблемы языкознания, -м; 1967. 21с
30. Меновщиков Г.А. Грамматика аварского языка, -л., 1968.с 94-98
31. Милейковская.Г.М. О соотношении объективного и грамматического времени. ВЯ, 1956. № 5,2с; А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. М: |Просвещение| 1971,149с
32. Немировский.М.Я. Способы обозначения пола в языках мира. //Памяти акад. Н.Я. Марра. М-Л: Изд-во АН СССР, 1968, 20с
33. Овчинникова.Н.Р. Категория структуры в науке о природе // Структура и форма майерии. -М, 1967, с 16-20
34. Пангв.М.В. русская раянетика.-М1967, 437сПанфилов.Е.Д. К вапросу о так называемом аналитическом слонении. ВЯ, 1954, № 1,12с
35. Панфилов.В.З. О зоологе глагола в нивхком языке, //вопросы грамматики, М-Л: Изд-во АН СССР, 1960, 16с.
36. Панфилов.В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М, «Наука». 1971,202с.
37. Пауль.Г. Рпинципы истории языка. Перев с нем М: Изд-во иностр лит 1960, 499с.
38. Полушкин.В.А. К вапросу об опруслении информации //язык и мышлении-М, 1967, 11с.

- 39.Потебня.А.А. Из записок по русской грамматике, т. 3 М: Просвещение 1968, 564с.
40. Реформатский.А.А. Введение в языкознание.-М, 2004, 456с.
- 41.Решетов.В.В. Узбекский язык часть I.-Т, 1959, 243с
- 42..Рождественский Ю.В. Типология слова-М, 1985, 152с
43. Слоюсарёва Н.А. Теория Ф.Д. Соссюра в свете современной лингвистики, -м; 1975. 112 с
- 44.Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М;Изд-во лит.нб7а иностр. Языке, 1955. 260 с
- 45.Современный русский язык/ под редакцией В.А Белошапковой. -м; Акзбуковник. 2002. 926с
- 46.Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М;Изд-во лит.нб7а иностр. Языке, 1955. 260 с
- 47.Современный русский язык/ под редакцией В.А Белошапковой. -м; Акзбуковник. 2002. 926с
- 48.Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. 1977. №2 163с
- 49.Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. 1977. №2 163с
- 50.Соссюр Ф.де Курс общей лингвистики, -м 1960. 590с Солнцев В.М. К вопросу о симантикс или языков значение // Проблемы семантики, -м; 1977, №2. 22с
- 51.Соссюр Ф. Труды по языкознанию, -м 1977. 695с Степанов Ю.С. основы языкознания, -м; 1996. 271с Содовский В.Н. Остования общей теории систем, -м; 1974.115с
- 52.Сятковский С.И. К вопросу о грамматической категории// Филологически е науки. 1966. №1. с 18
- 53.Сятковский С.И. К вопросу о грамматической категории// Филологически е науки. 1966. №1. с 18

- 54.Тюхин В.С. Системно-структурный подход и специфика философского значения// Вопросы философии. 1968. №11. с.48
Крестьянский В.И. Возникновение и организация материальных систем // Вопросы философии. 1967. №3. с 65
- 55.Теселкин А.С. Краткий грамматический очерк индонезийского языка. //Индонезийско-русский словарь. М, ГИС,1961. стр.4с
- 56.Хаймович Б.С. о единицах грамматической сферы // ВЯ, 1968, №6. 6с
- 57.Холодович А.А. Время, вид и аспект в современном японском языке // вестник ленинградского университета, (серия истории языка и литературы). Вып 3. 1960. №14, 6с
- 58.Штелинг Д.А.О неоднородности грамматических категорий ВЯ 1959 №1. 8с
- 59.Шуцкий Ю.К. Строй аннамского языка. Л,1936. 162с
Якубинский Л.П . История древне русского языка М., Учпедгиз, 1953. 204 с
- 60.Malmberg B stuktural Linguistics and Human Communication/ Springer - Verlag - Berlin - Cottingen - Heidelberg, 1963.
61. Schliecher A. Die deutsche Spzache-Stuttgart, 1969
62. Trager. G.L Linguistic is Linguistic. New York, 1963

